

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. И. ГЕРЦЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОБРАЗОВАНИЕ»

Г. А. Мартинович

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

МОНОГРАФИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992

Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена
Издательство "Образование"

Г.А. Мартинович
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ
Монография

С.-Петербург 1992

ББК 81.411.2

М29

Мартинович Г.А.

М29 Лингвистические этюды: Монография. - СПб.: Образование, 1992. - 84 с.

I В 5-233-00041-5

Монография посвящена рассмотрению некоторых лингвистических и философских проблем языкознания. В ней дается краткая характеристика истории изучения аспектов языковых явлений, освещаются вопросы онтологии и эволюции языка, методологии лингвистики, содержится экскурс в историю изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления.

М 4602010000 - 041 БУ - 92

102(3) - 92
I В 5-233-00041-5

ББК 81.411.2

© Издательство "Образование", 1992

Глобальная Вселенная (универсум, Бог, суть сущего) – есть вневременность (безвременность) и внепространственность (беспространственность). В ней миг и вечность, точка и бесконечность – одно и то же. Они только нам даются (проявляются в нас и вокруг нас) как некая определенность, та или иная конкретность. Это – вневременность-временность и внепространственность-пространственность: вневременность-внепространственность с у т и (Бога) и временность-пространственность его я в л е н и я (материи). Мы осознаем себя и окружающую действительность только на уровне я в л е н и я сути (сущностей первого, второго и т.д. порядка материалистической философии). Этот мир полностью понимаем и объясняем с диалектико-материалистических позиций. Мир с у т и с у щего – непонимаем и необъясняем.

Материалистическое (естественно-научное) и идеалистическое (религиозное) сознания (мировоззрения) не отвергают и не уничтожают друг друга, а дополняют и утверждают друг друга. Они представляют собою лишь различные отражения различных уровней единого мироздания.

Наука, занимающаяся изучением материального мира (я в л е н и я сути) во всей его сложности (в том числе и идеального как свойства материи), не только должна, но и не может не быть материалистической.

ЭТОД ПЕРВЫЙ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

О неоднородности и разноаспектности языковых явлений в научной литературе стали говорить с начала прошлого века. Так, В. фон Гумбольдт различал речь "с безграничными возможностями ее употребления", стремящуюся "к образованию бесчисленных комбинаций окрыленной мысли, не имеющих предела в своей бесконечности", и соразмерные возможностям речи языковые элементы, обеспечивающие "оптимальное выражение мыслительных форм", и правила их соединения, то есть – язык (I.C.126-127). Он убежденно настаивал на "ясном понимании соотношения языка и речи" (I.C.126), утверждая, что "язык образуется речью (*Die Sprache wird durch Sprechen gebildet*), а речь – выражение мысли и чувства (I.C.162-163). В то же время "язык есть орган, образующий мысль" (*Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken*). Интеллектуальная деятельность, зо-

вершено духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому "единое целое" (I.C.75). Следовательно, "язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energie*). Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли" (I.C.70). "Реальный язык проявляется только в речи" (I.C.115) в виде "совокупностей своих порождений" (I.C.82). Это - орган, образующий мысль, порождение духа и сам порождающий дух (I.C.75) и являющийся в связи с этим орудием (инструментом) человеческой деятельности (I.C.68). Его "следует рассматривать не как мертвый продукт... но как создающий процесс" (I.C. 69).

Наиболее определенно рассматриваемая проблема в начале XX века была поставлена Ф. де Соссюром. Он считал, что "материалом лингвистики является прежде всего все факты речевой деятельности человека" (2. С. 44). Однако "взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнообразна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство" (2. С. 48). Речевая деятельность "в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению" (2. С. 44) и "непознаваема, так как она неоднородна" (2. С.57-58). Следовательно, сделать речевую деятельность истинным, "целостным и конкретным" объектом лингвистики невозможно.

В то же время "естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parlé*), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующую дифференцированным понятиям" (2. С. 49). Кроме того, у общающихся людей "над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет... знаками и которая и есть языковая

способность по преимуществу" (2. С. 49). Эта способность "осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставленного коллективом", т.е. языка. Именно он вносит "единство в речевую деятельность" (2. С. 49), так как "представляет собой целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (*principe*) классификации" (2.С.48). Поэтому, считает Ф. де Соссюр, "надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (*norme*) для всех прочих проявлений речевой деятельности" (2. С. 47). Понятие языка, таким образом, становится для Соссюра основным, центральным понятием лингвистики. Но что такое сам язык?

"Во всех фактах речевой деятельности" Ф. де Соссюр выделяет две наиболее существенные с точки зрения лингвистики стороны: социальную, системно-структурную – язык и индивидуальную, исполнительскую ("эксективную") – речь: "...изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична" (2.С.57). Между языком и речью существует тесная взаимосвязь и сложное, мы бы сказали, диалектическое взаимодействие: "язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку... лишь в результате бесчисленных опытов язык отлагается в нашем мозгу... язык одновременно и орудие и продукт речи" (2. С. 57). Основные черты языка и речи следующие.

Язык. В языке Ф. де Соссюр отмечает прежде всего два его важнейших качества – психическую природу и социальную сущность. В отличие от В. фон Гумбольдта язык для Соссюра "не деятельность (*fonction*) говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим" (2.С.52). Это "клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной ме-

ре лишь в коллективе" (2.С.52). "В сущности, в языке все психиче-
но, включая его и материальные и механические проявления" (2.
С. 45). С другой стороны, язык "представляет собой социальный
аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду"
(2.С.52). Социальная природа языка - "одно из его внутренних
свойств" (2. С. 110). "...Понятие языка не совпадает с поняти-
ем речевой деятельности вообще; язык - только определенная
часть - правда, важная часть - речевой деятельности. Он яв-
ляется социальным продуктом, совокупностью необходимых услов-
ностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию
способности к речевой деятельности, существующую у каждого
носителя языка" (2.С. 47-48).

Речь. Она психофизична и индивидуальна: "речь есть инди-
видуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать:
1) комбинации, в которых говорящий использует код (*code*)
языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический меха-
низм, позволяющий ему объективировать эти комбинации"(2.С.
52). "Следовательно, в речи нет ничего коллективного: прояв-
ления ее индивидуальны и мгновенны..." (2. С. 57).

Таким образом, "разделяя язык и речь, мы тем самым отде-
ляем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от по-
бочного и более или менее случайного" (2.С.52). Однако, несмот-
ря на индивидуальный характер речи, у всех общающихся лю-
дей "неизбежно происходит известного рода выравнивание: все
они воспроизводит, хотя, конечно, и не вполне одинаково, при-
мерно одни и те же знаки, связывая их с одними и теми же по-
нятиями" (2. С. 52). Какова же природа этой социальной "кри-
сталлизации"? Заключается она, прежде всего, в том, что рече-
вое общение людей осуществляется на основе использования ими
"социального продукта" - языка, явления "вполне определенного
в разнородном множестве фактов речевой деятельности" (2.С.52).
Язык "не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе...
Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с
тем они - не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным
согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть ре-
альности, локализующиеся в мозгу" (2. С. 53). В отличие от ре-
чевой деятельности язык "есть явление по своей природе одно-
родное - это система знаков, в которой единственной сущностью
является соединение смысла и акустического образа, причем оба

эти компонента знака в равной мере психичны" (2.С.53). Благодаря всему этому язык "доступен самостоятельному изучению", что и делает его единственным истинным предметом лингвистики.

Таким образом, по Ф. де Соссюру, природной (врожденной) в человеке является лишь способность создавать язык -- систему дифференцированных знаков, а также способность к осуществлению речевой деятельности (способность "артикулировать слова", способность, "управляющая знаками" и т.п.), т.е. языковая способность. Речевая деятельность людей -- явление чрезвычайно разнородное и многообразное, являющееся объектом различных наук (физики, физиологии, психологии, лингвистики и т.д.), каждая из которых выделяет в нем свой собственный предмет наблюдения и изучения. Взятая в целом, она непознаваема. Предметом собственно лингвистики является язык -- усвоенное в результате обучения, социально обусловленное психическое образование, представляющее собою виртуально существующую в мозгу людей грамматическую систему (систему дифференцированных знаков). В свою очередь, социальный и психический язык противопоставляется индивидуальному психофизическому исполнению, т.е. речи -- акту воли и разума, реализующемуся на основе использования кода языка и психофизического механизма.

Может показаться, что в рассуждениях Ф. де Соссюра содержится противоречие, так как, с одной стороны, им подчеркивается психическое начало языка, его психическая природа, существование только в головах носителей языка в виде ассоциаций акустических образов и смысла, конкретность и реальность этих ассоциаций и т.п., с другой -- утверждается, что язык есть социальный продукт, социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, что это -- совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, целостность сама по себе, принцип классификации, готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим и т.д. Но это противоречие кажущееся. Язык для Соссюра, несомненно, психичен, но он, столь же несомненно, социально психичен, иначе речевое общение людей было бы просто невозможным. Это действительно "грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу", но это социально значимая система, система, пригодная к обществу

венному употреблению. И совершенно неслучайно, отметив психическую природу языка, Ф. де Соссюр задается вопросом — не составляет ли лингвистика единое целое с социальной психологией? (2.С.44). Очевидно, что ответ на него можно дать только положительный.

Однако постоянное подчеркивание Соссюром пассивности системности, классифицирующей роли языка и т.п. породили в дальнейшем представление о языке как о некоей научной абстракции, системе знаковых оппозиций и т.п., что легло в основу системно-структурных исследований языка самого различного характера. Тем самым в научный обиход, по существу, была введена только одна и, как представляется, не самая важная сторона учения Ф. де Соссюра. В то же время утверждение В. фон Гумбольдта "язык есть не продукт деятельности, а деятельность", основанное на представлении о том, что интеллектуальная деятельность и язык представляют собою "единое целое", что интеллектуальная деятельность материализуется посредством речи и т.д., можно рассматривать как предпосылки современных деятельностных трактовок языка, психолингвистических исследований и т.п.

В отечественном языкознании разграничение аспектов языковых явлений связано прежде всего с именами Бодуэна де Куртене и Л.В. Щербы.

Одним из важнейших положений Бодуэна де Куртене является положение о том, что "существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одаренные языковым мышлением" (3.Т.П.С.181), а язык "представляет собой орудие и деятельность" (3.Т.П.С.140). Он разграничивал язык как систему и язык как процесс, отличал "язык как определенный комплекс известных составных частей и категорий, существующих *in abstracto* и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса... с этой точки зрения язык... существует не как единичное целое, а просто как видовое понятие, как категория, под которую можно подогнать известную сумму действительных явлений" (1.С.77). Следовательно, язык как категория, система, абстракция и т.п., противопоставляется Бодуэном языку как деятельности, беспрерывно повторяющемуся процессу, действительным явлением и т.д., то есть речи.

Очень большое значение придавал Бодуэн де Куртена народному чутью языка, "объективно существующим языковым и внеязыковым ассоциациям" (З.Т.П.С.52). Он писал, что чутье языка народом - "не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами" (I.C.60). Важнейшая роль в изучении чутья языка отводилась Бодуэном эксперименту. По существу, им была намечена программа психолингвистических исследований.

Л.В.Шерба был прямым последователем Бодуэна де Куртена, основные идеи которого он развивал на протяжении всей своей жизни. В то же время Шерба считал себя многим обязанным "Курсу общей лингвистики" Ф.де Соссюра. Он находил много общего во взглядах этих ученых. В 1929 г., за два года до выхода статьи "О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании" (1931 г.), Л.В. Шерба писал: "Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде *Cours de linguistique générale* de Saussure et ... были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями. Различие языка, как системы, и языка, как деятельности ("*langue*" и "*parole*" de Saussure"), не такое четкое и развитое, как у Соссюра, свойственно и Бодуэну" (5. С. 94).

По мнению Л.В.Шербы, в языковых явлениях следует различать 3 аспекта: 1) речевую деятельность, 2) языковую систему (язык) и 3) языковой материал (тексты). Речевой деятельностью он называет "процессы говорения и понимания" (6. С.24-25), а основное внимание уделяет характеристике двух остальных аспектов - языковой системе и языковому материалу. Языковые системы - это "словари и грамматики языков" (6. С.25), которые "будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания" (6.С.26), образующих языковой материал, тексты. В отличие от Соссюра, это не индивидуальная речь, конкретные речевые произведения, а скорее "язык как бесконечно повторяющийся процесс" Бодуэна, так как языковой материал есть "не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого

и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это "тексты" (6.С.26), но тексты именно во всей их совокупности.

Языковая система представляет собой "некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы" (6, С. 27). Она "объективно заложена в данном языковом материале" и проявляется в "индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала" (6.С.28). Однако понятие "индивидуальной речевой системы" (собственно речи у Соссюра) у Щербы так и остается нераскрытым.

Вместе с тем в работе Л.В.Щербы имеется еще одно очень важное, на наш взгляд, противопоставление, часто остающееся незамеченным. Это противопоставление "социально обоснованной в прошлом, объективно заложенной в языковом материале... реализованной в индивидуальных речевых системах" (6.С.28) языковой системы и индивидуальных систем языковых представлений, "психофизиологических речевых организаций", являющихся индивидуальными проявлениями языковой системы (6.С.27). Эти индивидуальные психофизиологические организации могут совпадать с языковой системой, "но на практике организации отдельных индивидов могут чем-то отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать "индивидуальными языками", если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность (6.С.27). Однако на деле (как и в случае с Соссюром) противоречие, указываемое Л.В. Щербой, оказывается мнимым противоречием, так как здесь наблюдается недостаточный учет диалектики общего и отдельного, социального и индивидуального. Несмотря на все индивидуальные особенности, на все отдельные исключения и т.п., индивидуальные "психофизиологические речевые организации", реально существующие в головах носителей языка в идеальной форме, не менее социальны в своем существе, чем объективные языковые системы, реально существующие в языковом материале (совокупности всего говоримого и понимаемого) в материальной форме.

Таким образом, Л.В.Щербой выделяется, по существу, не три, а пять аспектов языковых явлений. Он разграничивает:

1. Речевую деятельность - процессы говорения и понимания.
2. Языковые системы - социально-обоснованные, объективно существующие в языковом материале и выводящиеся из него лингвистами словари и грамматики языков.
3. Языковой материал - совокупность всего говоримого и понимаемого, совокупность всех устных и письменных текстов на определенном языке в определенный исторический момент его развития.
4. Психофизиологические речевые организации - индивидуальные системы общих языковых представлений, индивидуальные отражения языковой системы (индивидуальные языки, языковое сознание индивида).

5. Индивидуальные речевые системы - системы, в которых реально реализуется языковая система и которые возникают под влиянием языкового материала, то есть речь, конкретный текст.

Если попытаться сопоставить взгляды Ф. де Соссюра и Л.В.Щербы, то можно отметить следующее. Как для Соссюра, так и для Щербы единственным источником языка являются тексты (языковой материал). Проявляется и реализуется язык (языковая система) в речи (индивидуальных речевых системах). Но для Л.В.Щербы языковые системы объективно заложены в языковом материале (совокупности текстов) и существуют в нем. Словари же и грамматики языков являются концептами, выводимыми из языкового материала лингвистами как некая социальная ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы. Для Соссюра язык - это психическая реальность, клад, "практикой речи отлагаемый" в сознании людей, система, виртуально существующая у каждого в мозгу, но в полной мере существующая лишь у целых совокупностей людей, то есть, по существу, в диалектике (возможно, и не осознанной Соссюром) индивидуального и социального. Другими словами, язык, по Щербе, реально существует в материальной форме во всей совокупности текстов на том или ином языке; язык, по Соссюру, реально существует в идеальной форме (в ассоциациях акустических образов и смысла) в языковом сознании (общественном языковом сознании) носителей языка. Очевидно, взгляды этих ученых сле-

дует рассматривать не в плане их исключительности, а в плане их дополнительности.

Работы Соссюра, Боуэна, Щербы оказали огромное влияние на развитие лингвистической науки в нашей стране и вместе с работами других известных русских и советских ученых (лингвистов — А.А. Потебни, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Б.А. Ларина, психологов и физиологов — И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Л.С. Выготского, С.А. Рубинштейна, Л.А. Орбели, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна и других) явились важнейшей объективной исторической предпосылкой, предопределившей возможность появления и многие особенности развития отечественной психолингвистики. Напомним, что формально как наука психолингвистика возникла в начале 50-х гг. в США.

Во второй половине XX в. обсуждение проблемы аспектов языковых явлений регулярно ведется многими советскими и зарубежными лингвистами, психологами и философами. Учеными за последние годы было предложено множество самых разнообразных схем языковых аспектов: от элементарного двучленного противопоставления (дихотомии) языка и речи, разграничиваемых на основе весьма многочисленных признаков (общее и частное, абстрактное и конкретное, виртуальное и актуальное, потенциальное и реальное, инвариантное и вариантное и т.д.) /7.С.10/ до довольно сложных систем различного характера. Здесь нет необходимости останавливаться на рассмотрении этих работ подробно. Сжатый, но весьма содержательный разбор основных взглядов на данный вопрос содержится в известной книге А.А. Леонтьева "Язык, речь, речевая деятельность" /4.С.10-28/. Отметим только, что большинство из современных исследователей так или иначе отталкиваются от идей Ф. де Соссюра и Л.В. Щербы, а отмечаемые ими категории оказываются соотносительными с основными понятиями, выдвинутыми этими выдающимися лингвистами: язык, речь, языковая способность, речевой акт, речевая деятельность, речевой материал, текст, индивидуальная речевая система, психолингвистическая речевая организация и др.

П р и м е ч а н и я

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977.
3. Боуэн де Куртена И. А.: Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. Т. I, II.
4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 1969.

5. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. - М., 1957.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.
7. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М., 1976.

ЭТЮД ВТОРОЙ ОБ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА

Среди отмеченных выше аспектов языковых явлений в научной литературе особенно часто обсуждаются язык, речь, текст, речевая деятельность. Последняя, правда, строго говоря, никогда не была (и не могла быть) предметом собственно лингвистики, но зато она становится центральным понятием психолингвистики наряду с понятиями языковой способности, языковой компетенции, коммуникативной компетенции и т.п. /1/. Однако из современных представлений о деятельности /2/ вытекает, что в наибольшей мере характеру собственно деятельности отвечают лишь некоторые (в сущности, вторичные) случаи: редакторская и корректорская деятельности, работа писателя над словом (текстом), определенные фрагменты деятельности по овладению родным и иностранными языками и т.п., - т.е. все те случаи, когда мотив этой деятельности определяется непосредственно в самом создаваемом речевом произведении, тексте - речевое произведение (текст) как самоцель, как главная цель. Собственно же речевые акты, "процессы говорения и понимания" (Л.В.Щерба), совершаемые в целях осуществления какой-то другой деятельности, необходимо признать лишь речевыми действиями и операциями, "входящими в какие-то деятельности" /3/, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Центральным же понятием лингвистики оставалось и продолжает оставаться понятие языка.

В дальнейшем мы будем исходить из следующего определения. Язык есть возникающее и развивающееся на базе коммуникативных потребностей людей средство осознания и оформления мысли, средство формирования и формулирования собственно человеческой, осознанной мысли. Он представляет собой систему двусторонних знаков и закономерностей их функционирования, являющуюся упорядоченным набором особого рода "психологических орудий" (Л.С. Выготский), используемых людьми в процессах осуществления ими коммуникативной и речемыслительной деятельности, обеспечивающих в конечном итоге осуществления всех остальных видов человеческой деятельности. Речь (говорение) - процесс реализа-

ции этой системы, результатом которого является текст /4/.

По отношению к бытию речи как к протекающему во времени и пространстве линейному звуковому (говорящее) или графическому (написание) потоку, континууму материальных явлений значительных расхождений, как правило, не возникает. Текст же обычно рассматривается исследователями в качестве единственного предмета, доступного непосредственному наблюдению. Принципиальное отношение к тексту в этом случае точно такое же, как и к любым другим явлениям живой и неживой природы, а все внимание лингвистов сосредоточивается прежде всего на изучении выводимых ими из этих текстов языковых систем — словарей и грамматик языков. При таком подходе многое, в конечном итоге, определяется классифицирующей и систематизирующей деятельностью лингвистов, осуществляемой на основе учета тех или иных формально-структурных, функциональных или содержательных признаков, лежащих в основании классификаций, т.е. действительно, как писал Ф. де Соссюр, той или иной "точкой зрения" /5/.

Основной нашей задачей является рассмотрение вопроса о форме и способе существования языка, понимаемого в указанном выше смысле. В научной литературе имеются различные высказывания по этому вопросу. Однако в наиболее общем виде можно указать на два основных подхода к проблеме бытия языка: 1) признание реальности существования речи (текстов) и объявление языка лишь конструктом исследователей; 2) признание реальности существования и языка и речи. Первое из этих направлений не раз подвергалось вполне убедительной критике /6/. Язык как система, безусловно, существует и без его исследователей, иначе речевое общение людей было бы просто невозможно. Но и признавая эту реальность, вместе с тем обычно говорят: а) либо просто о системе двусторонних языков единиц и правилах их функционирования, вообще не уточняя, где и как эта система существует; б) либо об объективном существовании языка только в речи (текстах); в) либо о его субъективном существовании только в головах носителей языка.

Естественно предположить, что во всем этом находят отражение какие-то объективные свойства самого языка. И, очевидно, совершенно не случайно в последние годы исследователи начинают все чаще указывать на его двойственный характер. Так, например, в одной из монографий говорится о двойном (материаль-

но-идеальном) модусе существования языка /7/. Авторы другой работы считают, что язык, осуществляясь в речи, "кроме того, хотя бы и потенциально (виртуально), существует в мозгах его носителей" /8/. Н.А. Слюсарева, исследуя теорию Ф. де Соссюра "в свете современной лингвистики", делает следующее заключение: "Язык существует в сознании, и в то же самое время он существует в речи... Язык и идеален в сознании и материален в речи. Вследствие этого перед языковедами стоит предмет, имеющий двойственную природу" /9/. А.А. Леонтьев говорит о языке как системе (предмете, стандарте, объективной языковой системе) и о языковой способности или речевом механизме. Причем считает, что язык как способность "формируется в процессе присвоения языка как объективной языковой системы" /10/. И тому подобное.

Есть все основания считать, что язык действительно реально существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм. Это положение представляется нам чрезвычайно важным прежде всего в методологическом отношении, так как недостаточный учет его является источником целого ряда недоразумений, иногда возникающих при исследовании лингвистических явлений и вытекающих, главным образом, из признания (или преувеличения роли) только одной из этих форм и игнорирования другой, тогда как обе они реальны и действительны именно в своем единстве.

Утверждение существования языка только в идеальной форме /II/ внутренне противоречиво. Любое идеальное, включая, конечно, и идеальную форму языка, предполагает наличие чего-то материального, так как принципиально не может быть ничем другим, кроме как отражением, субъективным образом объективного мира. Следовательно, только отражение частных фактов речи (текстов) приводит к возникновению обобщенных языковых единиц, языковой системы — ее действительных инвариантных отражений в языковом сознании людей или же приблизительных, неточных, относительных отражений в виде грамматик, словарей, схем, моделей, конструктов и т.п. в результате научно-исследовательской деятельности ученых /12/. Обобщать же речевые явления языковое сознание может лишь потому, что это общее есть в самих отражаемых явлениях — в звуках, морфах, словоформах и т.п., чем, в свою очередь, и обеспечивается суще-

ствование языка в материальной форме: "Язык представлен в конкретных актах говорения всех индивидуумов народа, таких конкретных актах, которые одновременно в своей реальности существуют и как общее, связывающее все эти единичные акты в одно явление, называемое языком человека" /13/.

Сторонники существования языка только в идеальной форме в обоснование своей точки зрения обычно приводят следующий довод. Язык — явление двустороннее, обладающее как планом выражения, так и планом содержания. Материальные же явления речи (звуков) никаким идеальным содержанием не обладают и обладать не могут /14/. Поэтому и существование языка в речи невозможно.

Конечно, звуки и их графические изображения ничем идеальным в б у к в а л ь н о м смысле этого слова, т.е. идеальным как "субъективным переживанием процесса, разигрывающегося в нейрофизиологическом субстрате" /15/, не обладают и обладать не могут, так как не обладают самим этим нейрофизиологическим субстратом. Хорошо известно, что все высшие формы отражения, в отличие от механических отражений и простой раздражимости, присущи только животным, обладающим нервной системой, психикой. Более того, ничего идеального как такового (по определению) нет не только в материальных оболочках слов, но и в рисунках, музыкальных произведениях, изображениях на экране и т.п. Все это, несомненно, собственно материальные явления — краски, звуки и т.п. И тем не менее реальные люди каждый раз реально в о с п р и н и м а ю т все эти явления как обладающие определенным и д е а л ь н ы м содержанием. Все дело в том, что звуки человеческой речи (как и остальные перечисленные выше явления) с самого начала есть не что иное, как форма и способ материализации идеального. В современной науке прочно утвердилось положение о сложном диалектическом единстве языка-речи и собственно человеческого, осознанного мышления, о существовании — при всей сложности, комплексности, разноуровневости и т.п. мышления /16/ — специфически человеческой формы вербального мышления /17/. Следовательно, любая речь представляет собой сам процесс осознания в ней субъектом ("для других людей и лишь тем самым для меня самого") объективной действительности, самого себя в этой действительности и самого своего мышления, процесс превращения незнания в собственно человеческое знание. У природы (в известных нам пределах прост-

ранства и времени) просто нет ни одной другой возможности осознать самок себя, кроме как в "звуках" человеческой речи.

Реально общающимися людьми порождаются и воспринимаются не столько сами звуки как таковые, сколько те или иные содержания в виде звуков — "звуки-смыслы", "звуки-значения" (или же "графы-смыслы", "графы-значения"). Средством человеческого общения язык может быть только потому, что в речи, текстах он действительно воспринимается общающимися людьми в единстве формы и содержания, как содержательная форма, как "форма-содержание". Эта способность к осознанию своего мышления, к материализации идеального в звуках и т.п. является настолько собственно человеческой, что в высшей нервной деятельности людей наблюдается наличие специализированной (исключительно человеческой) "чрезвычайно прибавки" — второй сигнальной системы, ведающей непосредственно речевыми сигналами ("вторыми сигналами", "сигналами сигналов") /18/.

Конечно, мы понимаем то или иное слово только потому, что знаем, что оно значит, научены этому тем или иным образом. Самым простым доказательством этого может послужить полное непонимание человеком речи на неизвестном ему языке. Однако, с одной стороны, мы часто достаточно хорошо понимаем в определенной ситуации и незнакомые нам слова, с другой — очень многое в отношении "человек — его язык" определяется самим процессом усвоения языка, деятельностью по присвоению той или иной языковой системы.

Слово, и это хорошо известно, как в филогенезе, так и в онтогенезе, первоначально неотделимо от предмета, синкретично с ним, и поэтому изначально "входит" в нас вместе с "предметом" (образом восприятия) в качестве одного из многих (актуального в данный момент) признаков этого предмета, затем только в речи (с образом представления этого предмета, со значением этого предмета) и наконец (с ростом образования, играющего исключительно важную роль в этом процессе) — со значением абстрактного "предмета", с абстрактным значением. Человек рождается, развивается и становится личностью в двойном и первоначально неделимом для него мире — в мире "вещей" (прежде всего — биосфере) и в мире слов (можно сказать — лингвосфере /19/), эти вещи представляющих, опосредующих — "действитель-

ность 1" и "Действительность 2" (В.В.Мартынов) /20/. Только на определенной ступени развития человек становится способным отрывать в случае необходимости от непосредственного отношения к миру вещей в отношении к миру слов (вторых сигналов), жить и действовать в определенных случаях (рассудочная и некоторые другие виды деятельности) в условиях собственно лингвосферы, замещающей, "имитирующей" для него все остальные жизненные сферы. Память овладения языком, его значимыми единицами сохраняется на всю жизнь. Различные качественные этапы этого овладения не сменяются механически, они не отменяют и не вытесняют друг друга, а совмещаются друг с другом, дополняют и обогащают друг друга, обеспечивая в своей целостности новый (высший) качественный уровень интеллектуальной деятельности человека на основе единства и противоречия чувственных и рациональных, логических и психических начал его духовной жизни. Учитывать все это значит, относиться к языку прежде всего как к "атрибуту человеческой природы" /21/ и, следовательно, неизменно учитывать в диалектическом единстве всех его социальных и биологических признаков, общественных и индивидуальных начал его психики.

Поэтому смотреть на слово только как на акустический или графический комплекс, возбуждающий в головах людей в результате воздействия на органы чувств определенные, якобы заранее существующие и находящиеся как бы в спящем состоянии образы, понятия, идеи и т.п. /22/, - значит видеть определенную часть объективной действительности и не замечать другие важнейшие ее части, и в первую очередь - собственно психические явления, происходящие в общающихся с помощью языка людях.

Таким образом, наблюдается своеобразный парадокс текста. Текст без человека, вне реальных процессов его порождения и восприятия, представляет собою в прямом смысле лишь что-то материальное. Текст же с человеком, текст в реальных процессах его порождения и восприятия действительно **в о с п р и н и м а е т с я** людьми как двусторонняя сущность, обладающая как планом выражения, так и планом содержания, и даже в первую очередь именно не как собственно звуки или начертания (что в большинстве случаев остается просто в подсознании), а как

само содержание, преобразованное в звуки, оформленное, представленное в виде звуков (или начертаний). Поэтому "план-выражения" в данном случае есть в то же время и "план-содержания", иное бытие содержания, материализованное идеальное /23/. Такова собственно психологическая реальность восприятия общающимися людьми речи, текстов, и она, несомненно, как и каждая реальность, подлежит всестороннему объективному изучению такой, какой она есть — во всем своем своеобразии, во всей своей парадоксальности. Поэтому — основанное на подкупающем своей простотой и понятностью; но в сущности, на прямолинейно-механистическом понимании восприятия речи В. Гумбольдтом /24/ — отношение к речевым фактам не как к собственно знакам, а лишь к телам знаков, развиваемое в ряде современных психолингвистических исследований /25/, не представляется убедительным.

Язык в материальной форме своего существования реально представлен в виде бесконечных множеств соединенных между собой определенным образом элементов речи, того общего, что есть в этих элементах. Так, лексема русского языка лес реально существует во всем неопределенном множестве ее конкретных речевых реализаций в коммуникативных актах. Во множестве конкретных речевых реализаций реально существует и каждый член любой языковой парадигмы (лес — леса — лесу...), словообразовательные типы, синтаксические модели и т.п. Принципиально это такое же реальное прерывное существование того или иного языкового явления (и всего языка) в массе его единичных существований, как и существование вообще всех явлений действительности /26/. Поэтому совершенно правы те исследователи, которые считают, что язык и речь — это разные стороны одного явления: "Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного" /27/. Каждый человек с языковыми явлениями встречается в речи (текстах), в принципе, так же, как и со всеми остальными явлениями окружающего мира (со множеством реальных лесов, полей, сел и т.п.), обобщающимися затем в идеальных отражениях этих явлений в головах людей.

В то же время взгляды ряда исследователей, провозглашающих существование языка в материальной форме, иногда оказываются односторонними в другом отношении. Некоторые из них по тем или

иним причинам отказываются признать вторую — идеальную — форму языка.

Например, существует отношение к идеальным языковым явлениям только как к чему-то индивидуальному и субъективному, а поэтому и не заслуживающему серьезного внимания именно в силу социальной природы языка как средства человеческого общения /28/. Этот довод не является убедительным, так как здесь явно наблюдается недостаточный учет диалектики общего и отдельного, общественного и индивидуального. Затруднения, возникающие в связи с "необходимостью преодоления барьера между атрибутами "социальное" и "индивидуальное", которые надлежит приписывать одной и той же реальности", оказываются "мнимыми затруднениями" /29/. Как "идеальные", так и "материальные" языки, несомненно, будут в чем-то различными у отдельных социальных, территориальных, культурно-образовательных, возрастных и т.п. групп и коллективов. Но все эти различия, все возможные (а иногда и просто кажущиеся) здесь противоречия представляют собою лишь одну из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания и каждый раз могут быть поняты и объяснены в пределах этих отношений. Представляется весьма существенным также и тот факт, что языковое сознание как и любая другая форма отражения действительности, является субъективным лишь по форме своего существования и объективным (истинным) по содержанию, в том смысле, что, например: "Ощущение — это субъективный образ объективного мира. Оно субъективно по форме существования, объективно по содержанию, так как отражает, копирует, фотографирует свойства вещей, существующих вне и независимо от нашего сознания" /30/. Из сказанного следует, что язык в идеальной форме не менее социален, чем и в материальной, так как в своих существующих моментах он практически идеален у членов той или иной общности, того или иного языкового коллектива (социального, территориального и т.п.), что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определенного общества характерной для этого общества лингвистической среды обитания (лингвосферы), то есть языка в материальной форме.

Существует также мнение, основанное на признании "главным конститутивным качеством языка" его назначение быть "важнейшим средством человеческого общения" /31/, что "естественный

язык нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект — его особенность заключается в том, что он существует в совокупности непрерывно продуцируемых актов речи" /32/ и что "отпечатки" слов... не язык, а каким-то образом упорядоченное множество усвоенных мыслью редуцированных и компрессированных единиц и фигур речи" /33/. Поэтому "нет в головах людей слов... со всеми их грамматическими парадигмами... со всеми особенностями произношения... со всеми их значениями, атрибутивными, номинативными, пейоративными, экзистенциальными и другими признаками: а есть редуцированные, компрессированные "следы" этих единиц и "следы" типизированных систем возможных в речи грамматических, фонетических, лексических и других парадигм плюс способность мозга "вызывать" из памяти эти "следы" и образовывать с помощью органов речевого аппарата соответствующие единицы и фигуры речи" /34/. Во-первых, рассуждение "язык есть средство общения, и как таковой его нельзя обнаружить в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект" либо явно спекулятивно, либо по крайней мере голословно: одно никак не следует из другого. Во-вторых, спрашивается, как из компрессированных и редуцированных "следов", "отпечатков" и т.п. лишь с помощью "органов речевого аппарата" создаются нормальные, полноценные единицы и фигуры речи? По какому образу и подобию они строятся? Которых нет в мозгу? По такому принципиально невозможно. Деятельностный подход к реческим действиям и операциям в качестве их существенных компонентов предполагает: постановку цели, планирование, сличение с идеальным образцом, коррекцию и т.п. Поэтому в мозгу людей просто не может не быть полноценных образцов говоримого, так как иначе создание нормальных текстов было бы нереальным. Следовательно, в головах людей непременно должны существовать обобщенно (инвариантно) отражения-аналоги "единиц и фигур речи". Другой вопрос, как они там существуют. Но это уже дело не лингвистов и даже не психолингвистов и психологов, а нейрофизиологов и т.п.

Утверждение существования языка только в материальной форме и возможности объективного изучения его только в этой фор-

ме ведет обычно в область чистых абстракций, голого конструирования, умозрительных построений и формализма. Оригинальность и уникальность языка состоит, в частности, и в том, что, с одной стороны, отражение материального явления есть в данном случае действительная форма бытия самого этого явления /35/, с другой – сами отражаемые материальные явления есть здесь продукты деятельности человека в онтологическом плане и результаты становления человечества – в генетическом.

Иде раз необходимо подчеркнуть, что материальная и идеальная формы существования языка реальны и действительны именно в своем единстве как явления различные и тождественные в одно и то же время, как явления взаимообусловленные и взаимообратимые. Одним частным практическим примером, подтверждающим сказанное, может послужить проведенное нами сопоставление ассоциативного и ситуативно-тематического полей в русском языке /36/.

Материальная и идеальная формы существования языка представляют собою диалектическое единство противоположностей, обеспечивающее возможность исторического развития языка, вызываемого в конечном итоге различными (как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими) причинами. Т.П. Ломтев считает, что "основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями" /37/. Точнее, очевидно, было бы рассматривать "потребности обмена мыслями" как своеобразный "детонатор", "излучатель энергии", приводящий в действие механизм "система – норма", "способность – реальность" и т.п., постоянно находящийся под напряжением, для разрядки которого нужен только какой-то толчок, некий "инструмент замыкания". Как и почему это происходит?

Язык в идеальной форме своего существования (языковое сознание) содержит как все актуальное, реально проявляющееся в речи, так и все потенциальное, способное проявиться в случае необходимости, т.е. представляет собою систему в ее наиболее полном объеме. Языковое сознание, возникая в результате отражения фактов речи, в то же самое время само "творит" речь и тем самым осуществляет материальную форму языка. Как

и всякое сознание, языковое сознание имеет активно-творческое начало, постоянно стремится к наиболее полному проявлению всех своих свойств, возможностей и способностей /38/. Творческими по самой своей сути являются и речевые действия людей, создающих по определенным закономерностям отбора и соединения из идеальных отражений материальные тексты.

Язык в материальной форме своего существования (объективная языковая система, язык как предмет, языковой стандарт) содержит только все фактически высказанное. Поэтому здесь он консервативен (в понимании А.М. Пешковского и Л.В. Щербы), стремится к сохранению неизменным своего состояния и воплощает в себе прежде всего уровень языковой нормы, так как норма — это и есть, в сущности, обычное (узусальное, привычное, принятое или узаконенное, кодифицированное, установленное) проявление идеальной формы языка, показывающее, какими и как обычно являются ее элементы в речи. Ненормативное, окказиональное — это необычное, а иногда и вовсе случайное проявление языкового сознания. Следовательно, материальная форма языка представляет собою систему языка главным образом на уровне нормы.

Отношения между языком в идеальной форме (системой в полном объеме) и языком в материальной форме (системой на уровне нормы) являются частным случаем отношений между сущностью и явлением /39/. Языковая система, представленная идеальной формой, воплощает сущностное, глубинное, закономерное и необходимое, реальное и потенциальное в языке. Языковая система, представленная материальной формой, воплощает обычное, видимое проявление языкового сознания, актуальное лишь в данный период развития языка. В силу этого сама устойчивость нормы оказывается относительной, обусловленной различными внутриязыковыми и экстралингвистическими причинами. Г.О. Биндюков считает, что "языковая норма с ее только относительной устойчивостью всегда слагается в борьбе между традициями языкового вкуса и теми живыми силами, которые направляют естественный ход исторического развития" /40/. Однако, признавая ведущий характер идеальной формы языка в сущностном, бытийном плане, признавая ее ведущей стороной в разрешении диалектического противоречия, существующего между ней и материальной формой /41/, необходимо в то же время признать вторичность идеальной формы в генетическом плане, в плане ее возникновения и становления, а также в гносеологическом, общепредметном

ском плане /42/.

Таким образом, развитие структуры языка осуществляется за счет активности, подвижности, динамики и т.п. элементов языка в идеальной форме его существования, являющихся их неотъемлемыми и существенными признаками, постоянно преодолеваемыми консерватизмом, устойчивостью (именно потому и относительную) инертность и пассивность элементов языка в материальной форме его существования, т.е. в процессах борьбы между зарождающимся —ся в языковом сознании новым и стремящимся к сохранению неизменным своего состояния в объективной языковой системе (языковой стандарте) старым, потенциальным и актуальным, опциональным и нормативным, между тем, что "хочется сказать", "можно бы сказать", исходя из возможностей и способностей элементов идеальной языковой системы, и тем, что "принято говорить", "необходимо говорить" по существующим в данный момент развития языка нормам. Следовательно, активность элементов языка в идеальной форме его существования и консервативность элементов языка в материальной форме, также отражаемая языковым сознанием, подвижность и пассивность, динамика и инертность, способность и норма представляют собою единство противоположностей и создают то внутреннее собственно языковое противоречие между перцептивным и фиксированным уровнями отражательной системы людей, разрешение которого определяет основные закономерности развития и совершенствования языка. Основным (но не единственным /43/) источником, стимулом и целью борьбы этих противоположностей являются насущные языковые потребности общества, постоянно растущие потребности новых наименований, новых средств и способов выражения мысли в связи и вместе с развитием самого мышления.

П р и м е ч а н и я

1. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. — М., 1989.
2. Леонтьев А.Н. Общие понятия о деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974; Он же. Деятельность, сознание, личность. — М., 1977.
3. Теория речевой деятельности. — М., 1968. С.31.
4. См. также: Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. — М., 1975. Ср. высказывание по этому поводу И.А. Зимней: "Речь рассматривается нами как способ формирования и оформления мысли посредством языка, который выступает в качестве инструмента, орудия, средства процессов формирования и формулирования мысли" // Исследования речевого мышления в психолингвисти-

- ке. - М., 1985. С. 72.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М., 1977. С. 46.
 6. См., например, Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. С. 27; Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. - М., 1983; Будагов Р. А. Язык - реальность - язык. - М., 1983; Колшанский Г. В. О правомерности разграничения языка и речи // Иностран- ные языки в высшей школе. - М., 1964. Вып. 3. и др.
 7. Языковая номинация (общие вопросы). - М., 1977. С. 8.
 8. Онтология языка как общественного явления. - М., 1983. С. II.
 9. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. - М., 1975. С. 29.
 10. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969. С. 23.
 11. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языко- знанию. М., 1963. Т. 2. С. 59.
 12. Щерба Л. В. Указ. соч. С. 35.
 13. Общее языкознание. - М., 1970. С. 88-89.
 14. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языко- знанию. Т. 1. С. 217.
 15. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема соотношения син- таксиса и словообразования. - М., 1985. С. 4.
 16. См., например, Салиев А. Мышление как система. - Фрун- зе, 1974; Системный анализ процесса мышления. - М., 1989; Тихо- миров О. К. Психология мышления. - М., 1984 и др.
 17. "Мысль не выражается, но совершается в слове". Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. - М., 1956. С. 332. См. также: Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в язы- ке: язык и мышление. - М., 1988. С. 188-210.
 18. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. - М., 1973. С. 411-412; 424-425.
 19. Ср. понятие "логосферы": Моль А. Социодинамика культуры. - М., 1973. С. 40.
 20. В целом следовало бы, очевидно, говорить о трех действи- тельностях: 1) объективной (реальный материальный мир сам по себе), 2) субъективной (его идеальные отражения), 3) субъектив- но-объективной (речь, тексты). Причем третья действительность является своеобразным посредником между двумя первыми.
 21. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М., 1975. С. 14.
 22. При таком подходе вопрос о возможности передачи новых званий становится весьма проблематичным.
 23. Идеальное, как известно, может материализоваться не только в звуках человеческой речи, но и во всех других продук- тах деятельности человека - в музыке, живописи, строениях, ме- ханизмах и т. д.
 24. То есть утверждение креативного характера восприятия речи: "Люди понимают друг друга не потому, что передают себе- седнику знаки предметов... а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представле- ний и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем

же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого всплывают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы". (Гумбольдт В. Избранные труды по языковедению. - М., 1984. С. 165-166).

25. См., например: Диалектико-прагматика и общение с ЭМ. - С.9 и след. Ср.: "Что есть слово? слово есть тело разума человеческого, как вот эти тела - твое и мое - есть одежда наших душ, не более того. Теперь: берем любую книгу, она составлена из слов, а составил ее некий человек, живший, скажем, за сто лет до сего дня. Что же должны мы видеть в книге? Запечатленный разум человека, который жил задолго до нас и оставил в навидание нам все богатство души, накопленное им. Стало быть, берем так: в книгах заключены души людей, живших до нашего рождения, а также живущих в наши дни, и книга есть как бы всемирная беседа людей о деяниях своих и запись душ человеческих о жизни" (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

26. Ср., например, реальное существование системы химических элементов в бесконечном множестве их всевозможных соединений.

27. Ломтев Т.П. Общее и русское языковедение. - М., 1976. С.59.

28. Берба Л.В. Указ. соч. С.27; Смирницкий А.И. Объективность существования языка. - М., 1954. С.23.

29. Павлов В.М. Указ. соч. С.7.

30. Краткий словарь по философии. - М., 1982. С.238-239.

31. Маллер Е.Н. К определению языка // Вопросы языковедения. 1987. № 3. С.95.

32. Там же. С. 36.

33. Там же. С.37.

34. Там же. С.37.

35. В отличие, например, от периодической таблицы системы химических элементов, явления принципиально однопорядкового с языковыми схемами, моделями, конструктами и т.п., создаваемыми исследователями.

36. Мартинович Т.А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989. № 3.

37. Ломтев Т.П. Указ. соч. С.14.

38. О способности к адаптивным изменениям кодовой "матрицы" см.: Павлов В.М. Указ. соч. С. 9.

39. Необходимо, однако, отметить, что нормативное есть только определенная, хотя и важнейшая, часть проявления языковой системы, тогда как ее явление в полном объеме мы находим во всем многообразии текстов на том или ином языке, со всеми отдельными, ocasionальными и случайными элементами, выявляющими способности, скрытые возможности, резервы и т.п. языковой системы.

40. Винокур Т.О. Из бесед о культуре речи // Русская речь. 1967. № 3. С.13.

41. Когда говорят о разрешении диалектического противоречия, то всегда имеется в виду нарастание какого-то нового свойства в ведущей стороне противоречия и обострение противоречий с сохранившимся без изменений свойством противоположной стороны". Ломтев Т.П. Указ. соч. С.12.

42. Ср.: "Язык образуется речью". Гумбольдт В. Указ. соч. С. 162. "Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу". Соссюр, Ф. де Указ. соч. С. 52.

43. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. С. 148-161.

ЭТОД ТРЕТИЙ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА

О возникновении и становлении языка в связи с происхождением человека (человеческого общества) написано достаточно много /1/. По мнению Б.В. Якушина, эта проблема в основном решена на "уровне общего методологического подхода, формулировки принципов решения". Много сделано отечественными и зарубежными исследователями и в области "конкретизации методологической концепции на уровне схемы". Уровень же "конкретной, поэтапной "программы", в которой и реализуется схема" все еще ожидает своего решения /2/. В то же время, несмотря на наличие значительного количества исследований по проблемам первобытного (родо-племенного) общества /3/, практически белым пятном в науке остается история языка (языков?) этого общества (обществ?), процессы развития языка в дописьменный период и становления письменных языков /4/. В свою очередь, значительные исследования проведены в области сравнительно-исторического языкознания /5/. Благодаря им к настоящему времени мы имеем подробные описания историй языковых семей и групп, конкретных языков и отдельных лингвистических явлений. Однако вопросы внутреннего механизма ("механики") развития и совершенствования языка, самой языковой эволюции, ее движущих сил и закономерностей все еще остаются исследованными лишь в незначительной степени. Рассмотрим некоторые из них.

I.

Диалектический материализм расценивает отражение как всеобщее свойство материи, заключающееся в способности материальных тел посредством собственных изменений воспроизводить с различной степенью точности (относительно адекватно) определения стороны взаимодействующих с ними объектов /6/. Характер отражения при этом зависит от уровня организации материи, а само отражение качественно различается в живой и неживой природе. В самом общем виде можно выделить четыре основных уровня отражения: I) пассивное (инертное) воспроизводство телами неживой

природы в структуре оставляемых в них следов свойств взаимодействующих с этими телами объектов; 2) активное, самостоятельное реагирование в целях самосохранения и самоприспособления простейших организмов живой природы, не обладающих нервной системой; 3) условно-рефлекторное отражение в психической деятельности животных, обладающих нервной системой (мозгом); 4) общественно обусловленное, сознательное отражение человека, отражение в активной предметной деятельности (труде), направленной на преобразование и приспособление к своим потребностям окружающей действительности. Схематически ведущий характер отражения на этих уровнях можно представить следующим образом: механические изменения - раздражимость - ощущение - сознание.

В то же время обнаруживается, по-видимому, еще одно, родственное отражению, всеобщее свойство материи. Это свойство самовыражения и самопредставления, свойство репрезентации своего состояния, своих внешних и внутренних изменений остальному миру. Оно заключается в способности материальных тел тем или иным образом, в тех или иных материальных явлениях (репрезентантах) "выводить" наружу (экстериоризировать) свой собственный мир и его изменения и тем самым представлять их окружающей действительности /7/. В сущности, отражение и самовыражение - это две грани одного явления, представляющего собой способ осуществления всеобщей взаимосвязи и взаимодействия явлений природы.

Так же как и отражение, самовыражение качественно различается на определенных уровнях организации материи. Например, в неживой природе камень, подвергшийся какому-то воздействию (удару, нагреву и т.п.), не только своими изменениями (разломом, увеличением кинетической энергии составляющих его элементов и т.п.) отразит это воздействие и тем самым "запечатлеет" в себе информацию о воздействующем предмете, но и незамедлительно каким-то образом выразит произошедшее в нем изменения, представит их (звуковыми волнами, тепловым излучением и т.п.) окружающему миру и в свою очередь сам "проинформирует" его об этих изменениях ("речь камня") /8/. Это будут, однако, чисто механические отражение и выражение (представление).

В настоящее время появляется все больше сведений об обмене информацией на расстоянии простейшими организмами (вирусами, бактериями) и растениями. В этом случае происходит уже актив-

ное реагирование, что приводит обычно к адекватным изменениям (например, к гибели) в "коммуникантах" — изменения в получателе информации отражают изменения, произошедшие в отправителе /9/...

Еще более высокий уровень информационно-регуляционного поведения находим в мире животных, обладающих нервной системой. Об этом написано довольно много /10/. Высший уровень выражения и репрезентации внутреннего мира (мира собственно человеческих мыслей и чувств), а также информации и регуляции — коммуникативно-номинативный уровень — представляет, несомненно, речевое общение людей. Показательно также, что наряду с традиционным изучением, привычных способов человеческого общения (мимика, жест, речь и т.д.) в последнее время наблюдается все более растущий интерес к различным видам экотрасенсории, энергоинформационного обмена и т.п.

Все это говорит о том, что, так же как в неживой природе мы находим свойство, близкое свойству живой природы осязаться, — свойство отражать, мы находим в неживой природе свойство, близкое свойству живой природы общаться, — свойство выражать и представлять окружающему миру свое состояние и его изменения и тем самым информировать этот мир о себе при помощи различного рода материальных явлений (в философии это получало название "потенциальной информации" /11/).

Следовательно, отражение и самовыражение (самопредставление), обеспечивающие глобальное "общение" (взаимосвязь и взаимодействие), необходимо рассматривать в качестве объективной предпосылки явлений коммуникативного характера в живой природе и собственно речевого общения людей, предпосылки, заложеной в самих фундаментальных свойствах материи, без которой этот гигантский качественный скачок от механического к человеческому общению был бы просто невозможен. Человеческая речь, таким образом, несмотря на все ее своеобразие и уникальность, не представляет собою некий изолированный феномен в природе. Это объективное явление, необходимо присущее высокоорганизованной материи. Его возникновение предопределено всем ходом развития материального мира и обусловлено примитивными зачатками общения (отражением и самовыражением) в неживой природе. Конечно, "речь" камня так же далека от речи человека, как, допустим, далеко отражение камнем упавшей на

влиянием восточной эстетики отражения человеком красоты природы в художественных произведениях и т.п. Проведение каких бы то ни было параллелей между этими явлениями возможно только при рассмотрении некоторых принципиальных проблем гносеологического фактора. Всякое их отождествление, аналогизация, приравнение и т.п. будет, несомненно, недопустимой вульгаризацией.

Кроме того, как нам представляется, важнейшие объективные предпосылки, предопределяющие саму возможность возникновения в силу 2-й-й неизвестных причин /12/ речевого обмена людей и языка (языковой системы) как средства (инструмента, орудия) такого обмена, язык, однако, постоянно находится в развитии и совершенствовании. Как они осуществляются?

II

Вопрос о развитии, как известно, может быть рассмотрено со стороны его характера (эволюционное — революционное), сущности (особенности образующих процесса в начальной и конечной точках) и механизма (механики, движущих сил, закономерностей и условий) /13/. Все эти моменты, очевидно, должны учитываться и при исследовании языковых изменений.

По своему в е д у ш е м у характеру развитие языка, несомненно, представляет собою эволюционный путь развития, так как революций языку противопоставлены принципиально. В противном случае сменяющиеся поколения людей просто перестали бы понимать друг друга. Следовательно, развитие языка должно подчиняться всем о б щ и м закономерностям эволюционного развития в их ч а с т н о й (собственно языковой) форме проявления и, как и другие виды эволюции, может быть исследовано на различных уровнях — от, образно говоря, языкового "атомно-молекулярного" и "клеточного" (уровень звуков, слогов, морфем, словоформ и синтаксических конструкций) до "популяционного" и ролю-видового (уровень наречий (говоров), языков, их групп, ветвей и семей).

Изучением сущности развития языка уже давно занимается общее и частное сравнительно-историческое языковедение прежде всего с точки зрения диахронического (регистрация изменений) и синхронического (системного) подходов как к отдельным языковым явлениям, так и к целым языкам и их совокупностям.

Что касается собственно исторического подхода, предлагающего не только регистрацию и описание изменений, но и выяснение причин этих изменений, условий процесса развития, его механизма и т.п., то здесь основное внимание обычно уделяется внешним (экстралингвистическим) и внутренним (собственно лингвистическим) причинам (их особенностям и взаимодействию) языковых изменений в рамках общих проблем связи жизни языка с жизнью народа (язык и общество, язык и культура и т.п.) /16/. Проблемы же, касающиеся непосредственно внутренней механики изменений языка и его отдельных явлений, остаются все еще недостаточно исследованными /15/.

Остановимся на рассмотрении некоторых аспектов механизма эволюции языка на элементарном ("атомно-молекулярном" и "клеточном") уровне, т.е. на исходных моментах эволюции языков и языковых популяций.

III

Центральными понятиями эволюционного учения являются понятия мутации, борьбы за существование, естественного и искусственного (селекция) отбора и адаптации. Материалом для эволюции в живой природе на молекулярном уровне служат "генеративные мутации и их сочетания" /16/. Спонтанные и случайные мутационные процессы постоянно происходят в молекулах клеток живых организмов, в том числе и в ответственных за передачу наследственной информации молекулах — ДНК и РНК. По существующим воззрениям мутации способны к построению себе подобных и отщеплению их от себя (редупликации). В работах Н.В. Тимофеева-Ресовского данное явление получило название "контвариантной редупликации, т.е. редупликации живых частей, выделяющей наследственные мутации" /17/. Однако далеко не все мутации действительно реализуют свою наследственность, а лишь единичные способны активно существовать (обмениваться веществами, размножаться и т.п.) в определенных условиях, т.е. мутации, реально отобранные самими этими условиями, победившие в конкурентной борьбе за выживание и существование. Таким образом, основу эволюционного процесса составляет не способность мутаций к наследственности сама по себе (предположительно врожденная), а действительно реализуемая наследствен-

ность. В свою очередь адаптация — это не сохранение каким-то образом приспособившегося к новым условиям собственно старого, а своеобразное делегирование старым для жизни в новых (полезных для делегированных и вредных для остальных) условиях одного (или нескольких) из его бесчисленных мутационных вариантов и его дальнейшее полноценное существование в этих условиях. В конечном итоге именно с мутационных изменений молекул и их отбора начинается деление недифференцированных ранее сообществ одностипных индивидов на виды, роды, семейства и классы.

Аналогичные явления можно наблюдать и в области эволюции языка /18/.

Выше было показано, что язык как система существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм, представляющих собой единство противоположностей и создающих то основное внутреннее собственно языковое противоречие (напряжение), разрешение которого и определяет основные закономерности исторического развития и совершенствования языка. Важнейшую роль в этом развитии, как известно, играют статистические законы /19/. Элементы языкового сознания (языка в идеальной форме) подвержены в пределах своих свойств и возможностей постоянным, спонтанным и случайным мутациям на всех языковых уровнях. Непосредственные проявления этих мутаций можно наблюдать на фактах исторического изменения языка, на особенностях реализации тех или иных лингвистических явлений в различных сферах и вариантах национального языка и в родственных языках, на так называемых речевых ошибках, окказионализмах, употреблении детской речи, индивидуально-авторских употреблениях и т.п. Языковые мутации, проявляющиеся в речи, неизбежно вступают в языковом сознании носителей языка в борьбу как между собой, так и с закрепленными (зафиксированными) в этом сознании элементами стандартной языковой системы, с самой языковой нормой, и, как правило, на первых порах отторгаются этой системой /20/. В дальнейшем они либо отторгаются окончательно, либо входят в систему (отбираются системой) и со временем сами становятся нормой (кодифицированной или узуальной), изменяя тем самым и саму систему. Здесь, таким образом, также постоянно идет своеобразная борьба за существование, борьба, в которой достаточно часто побеждают элементы, в наибольшей мере соответствующие общим динамическим тенденциям в развитии языка. Однако

это не носит строго обязательного характера, так как статистические законы всегда предполагают возможность нескольких вариантов и реальность осуществления каждого из них только в определенной степени вероятности. Утверждение в качестве нормы той или иной конкретной мутации, того или иного первоначально случайно проявившегося варианта обусловлено каждый раз только в ^{и соответствующих условиях} экстремистических условиях, а норма в и себе случайностей. Всем этим, в частности, определяются и всевозможные трудности в прогнозировании конкретных языковых изменений /21/, но, в то же время, и достаточно высокая степень достоверности в установлении общих диалектальных тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, эконсми, аналогии, системности, выравниванию парадигм, открытому или закрытому слогу, чередованию ударения на основу или окончание, приведенная форма в соответствии с содержанием и т.п.).

Рассмотрим следующие примеры.

I. Достаточно ярким примером проявления языковых мутаций на фонетическом уровне, на наш взгляд, может служить процесс озвончения "иманья" (т.е. произнесения редуцированного гласного звука типа [и] в безударном слоге после мягких согласных на месте любого другого гласного) как современной разговорно-литературной нормы в русском языке /22/. В свое время и в своих условиях (в масштабах исторического развития русского национально-языка во всем его объеме) произошел перебор практически всех возможных в данной позиции вариантов - [т'е т'а́], [т'о т'о́], [т'а́ т'а́], [т'и́ т'а́] и [т'у́ т'а́]. Например, в разное время и в разных сферах русского языка были реализованы следующие производные варианты словоформы *десу* [п'э с'у́] - *эканье*, [п'о с'у́] - *ёканье*, [п'а с'у́] - *яканье*, [п'и с'у́] - *ыканье* (вариант [п'у с'у́] в силу основных фонетических тенденций русского языка в данной словоформе не мог быть реализован, с.п., однако, вариант произнесения словоформ *дродо* - [л'у́ о́ л'о́], которая также имеет тяготение к произносительному варианту [л'и́ о́ л'о́], т.е. к *иманью*). Закрепление в настоящее время варианта произнесения [п'и с'у́] произошло в результате длительной конкурентной борьбы отмеченных вариантов как в результате определяемый итог взаимодействия целого ряда системно-структурных, функционально-социальных и функционально-стилистических

(а возможно, и ряда других, например, психологических, эстетических, физиологических и т.д.) факторов /23/.

2. Показательным примером лексико-семантических мутаций в различных сферах национального языка и разных языков могут быть результаты сопоставительного анализа семантики русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями — пасть и to fall. Так, изучение семантической структуры глагола пасть в современном русском национальном языке /24/ показало, что источник внутреннего единства этой структуры изначально заложен в концептуальном ядре основного (в данном случае и исходного) значения слова или, точнее, в основной идее его корневой морфемы —пад-/пас- "свободное падение". Исходное значение слова (его внутренние свойства, система существенных признаков) само по себе уже предопределяет возможность наличия у этого слова определенного круга производных значений, которые потенциально всегда существуют в этом значении и где-то (в одной из сфер национального языка), когда-то (в один из исторических периодов его существования), как-то (случайно, окказионально или же системно, устойчиво) должны проявиться в одном из семантических или словообразовательных дериватов этого слова. Конкретные же черты новых элементов семантической структуры слова и возможность их реализации в виде нормы также определяются на основе статистических законов целым рядом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов.

Исследованный материал показывает, что развитие системы значений глагола пасть шло по трем магистральным направлениям, выявляемым на основе абстрагированных от концептуального ядра исходного значения признаков: а) перемещение, передвижение; б) случайное, неожиданное, самопроизвольное действие; в) переход в иное (обычно худшее) состояние. В связи с этим производные значения глагола объединяются в три семантические единства — а), б), в). Кроме того, в семантическую структуру глагола пасть входит и несколько отдельных значений, основанных на незначительных и малосущественных признаках переноса наименования — случайности, подтверждающие закономерности объединения значений в семантические единства.

Всего, по нашим наблюдениям, в различных сферах и вариантах русского национального языка реализуется около 100 лексико-

семантических вариантов (ЛСВ) глагола пасть. Ими, по-видимому, в основном и исчерпываются семантические возможности этого слова. В то же время МАС /25/ как нейтральные в современном русском литературном языке отмечает лишь 6 значений глагола. Еще 6 значений в этом словаре снабжены теми или иными ограничительными пометами - устар. (4 значения), книжн. (1 значение) и обл. (1 значение). Всего, таким образом, глагол пасть в МАС отмечен в 12 значениях.

В целом же, можно сказать, судьба глагола пасть в русском литературном языке оказалась трагичной. Форма пасти в древнерусском языке была более употребительной, чем падать /26/, причем глагол пасти мог обозначать как недлительные (Падь оубо, рабъ ть кланѣ аше саимоу.), так и длительные (Падь метель гоустъ по земли и по волѣ и по хоромомъ в ноши, а по д дни) действия. Дальнейшее развитие видовых значений глагола шло несолько своеобразно. С одной стороны, все активнее входит в употребление форма несовершенного вида падати/падать, с другой, продолжается регулярное употребление формы пасти/пасть как двувидовой. Так, в значении несовершенного вида глагол пасть употреблял еще А.С.Пушкин: И тихо меч он (Руслан) опускает. В нем гнев свирепый умирает. И мненья бурное падёт. Но уже во второй половине XIX в. глагол пасть в значениях несовершенного вида практически полностью выходит из употребления и уступает место своей имперфектной наре падать /27/. Вместе с тем происходит и другой не менее важный для судьбы глагола пасть процесс, а именно процесс вытеснения в русском литературном языке этого глагола почти во всех его значениях (в нейтральном употреблении) различными более конкретными префиксальными образованиями - упасть, припасть, запасть, выпасть и т.д. И сейчас многим значениям глагола пасть в северных русских народных говорах, где эта форма (в отличие от средне- и южнорусских говоров) продолжает употребляться очень активно, в литературной сфере часто соответствуют значения его приставочных образований (ср.: диал. пасть на грудь и лит. припасть к груди и т.п.).

В конечном итоге из достаточно большого количества семантических мутаций глагола пасть, до сих пор проявляющихся тем или иным образом в различных областях (сферах, вариантах, сти-

век, выражающ (в т.ч.) русского национального языка, в результате вытеснения Борлом между различными средствами выражения тождественной семантической (пасть-пасть) и лексической (пасть - впасть; пасть - впасть; пасть - пропасть; пасть - выпсть и т.д.) глаголами в литературной сфере ("среде") национального языка "Бриллианты" лишь очень незначительное количество ЛОБ пасть в русском языке. Таким образом, победа в данном случае оказалась, в силу обстоятельств, за более "конкурентноспособными противниками" пасть и впасть, и далеко не все его семантические возможности реализуются в современном русском литературном языке, хотя наличие принципиальных особенно семантических противопоставлений для языка реализации нет. Данная тенденция вытеснения глагола пасть из русского литературного языка (по крайней мере - из литературы 5-разговорного), по-видимому, продолжает сохраняться, что означает дальнейшую деградацию этого слова. В определенном смысле можно сказать, что в настоящий момент это исторически мертвое слово, однако и здесь возможны всякие неожиданные повороты, так как принципиально для "оживления" глагола пасть также нет никаких запретов.

Изучение семантической структуры английского глагола to fall ("впасть?") в общенациональных масштабах /28/ показало, что семантические системы его значений практически шло по тем же трем основным направлениям, что и у глагола пасть в русском языке /29/. Более того, сопоставление значений глаголов пасть и to fall выявляет совпадение их подавляющего большинства. Случаи несоответствия семантики этих глаголов как в том, так и в другом языке представлены лишь единичными примерами. Однако глубинные семантические совпадения довольно часто могут сопровождаться и некоторыми различиями на более поверхностных уровнях. Например, в ряде случаев отмечается неодинаковость денотативных значений этих глаголов при тождестве сигнификативных. Так, в значении "впасть, втечь, влиться" русский глагол употребляется только для обозначения впадения реки, ручья и т.п., тогда как to fall может относиться к дороге, тропе и т.п.:
 Младшая сестра в Пинегу пала (Диал.) - A road... falling into the road to Philadelphia "Дорога... падающая (соединяющаяся с) в дорогу в Филадельфию". Указанные различия проявляются прежде всего в неодинаковой сочетаемости глаголом пасть в употреблении, тоску, панику и т.п. - to fall

in love, into a rage, asleep, etc.

В сходных значениях глаголы *пасть* и *to fall* могут различаться эмоционально-оценочной окраской, стилистической принадлежностью, степенью устарелости и т.п. /30/. Например, в значении 'произойти, случиться, иметь место' *to fall* отмечен как устарелый, поэтический (*If war should fall between you and France* "Если бы пала (произошла, случилась) война между вами и Францией"), а *пасть* употребляется лишь в диалектах (*Хорошо живем, только бы войны не пала*).

Сравнение систем значений русского и английского глаголов позволило обнаружить их значительное сходство и принципиальную близость организации. Отсутствие того или иного значения в одном из языков носит случайный характер, и реализация этого значения в нем всегда принципиально возможна. Изоморфические черты систем значений преобладают над алломорфическими и обнаруживаются в первую очередь на глубинном семантическом уровне /31/.

Проведенное сопоставление выявило, таким образом, тождественность семантических мутаций, проявляющихся в различных сферах национальных языков, русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями, что подтверждает закономерность этих мутаций, их неслучайность и обусловленность прежде всего внутренними семантическими возможностями (резервами, ресурсами) рассматриваемых глаголов, свойствами их исходных значений /32/. Однако в результате взаимодействия ряда уже отмечавшихся факторов языкового и неязыкового характера в литературных сферах каждого из языков закрепляется лишь незначительное количество из возможных ЛСВ этих глаголов.

Многочисленные исследования по речевым ошибкам, употреблению детской речи, окказионализмам и индивидуально-авторским преобразованиям языковых явлений в художественной речи хорошо известны и здесь нет необходимости еще раз приводить распространенные в научной и научно-популярной литературе примеры /33/.

х х х

Итак, возникновение коммуникативно-информационного обмена в живой природе и собственно речевого общения людей обусловлено их элементарными зачатками (предпосылками) в неживой природе — свойствами отражения и самовыражения (самопредоставления),

обеспечивающими всеобщую взаимосвязь и взаимодействие явлений природы. Человеческий язык, появляясь в силу известных причин как средство речевого общения, проходит долгий и сложный путь исторического развития, образуя в конечном итоге (если исходить из теории моногенеза) все известные в настоящее время на земном шаре языковые семьи, ветви, группы и собственно языки в их различных социальных, функциональных и территориальных вариантах. По своему характеру развитие языка представляет собою эволюционный путь развития и подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их собственно языковой форме проявления. Спонтанно возникающие в языковом сознании людей формальные и содержательные мутации различных языковых уровней неизбежно должны завоевывать свое право на бытие, в постоянной конкурентной борьбе за существование проходить тернистый путь естественного и искусственного (нормализаторская деятельность ученых-лингвистов — своеобразный вид селекции) отбора и адаптации — закрепления в языке в качестве своей нормы с тем, чтобы, в силу закона отрицания отрицания, вновь через некоторое время уступать место более совершенным и жизнеспособным языковым мутациям.

П р и м е ч а н и я

1. См., например: Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. — М., 1963; Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. — М., 1963; Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. — М., 1983; Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. — М., 1983; Алексеев В.П. Становление человечества. — М., 1984; Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. — М., 1985.

2. Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // Онтология языка как общественного явления. — М., 1983. С. 37-40; Он же. Гипотезы о происхождении языка. С. 65-68.

3. Началом научных исследований этого периода в истории человечества принято считать, как известно, фундаментальные работы Л.Т. Моргана (Древнейшее общество, 1877) и Ф.Энгельса (Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884).

4. Обычно исследователи ограничиваются здесь лишь самыми общими замечаниями относительно принципиальных моментов устройства языка первобытного общества и помещают этот язык где-то возле "языка" обезьян и детской речи. См.: Якушин Б.В. Указ. соч.

5. См., например, работы А.Х. Востокова, Г.П. Павского, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, В.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Н.Я. Марра, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Е.Д. Поливанова, Ф.П. Филина, И.И. Мещанинова, Т.П. Ломтова, Б.А.

Серебрянникова, Н.А. Мешерского, Вяч. Вс. Иванова, Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Колесова и др.

6. "...Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу, родственным с омушением, свойством отражения..." (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91).

7. Это обычно явления волновой природы - тепловое и световое излучение, звуки, радиоволны и т.п.

8. При нагреве камня до значительных температур к тепловой "информации" может прибавиться еще и световая (при раскаливании), при охлаждении до абсолютного нуля (-273°C) всякое излучение должно полностью прекратиться ("мертвый камень").

9. Об этом, например, постоянно говорят в своих выступлениях академик Академии медицинских наук СССР В.П. Казначеев (см.: Ленинградский рабочий. 1990. 12 янв. С. 11).

10. См., например, Жантеев Ф.Д. Биоакустика насекомых. М., 1981; Константинов А.И., Мовчан В.Н. Звуки в жизни зверей. Л., 1985; Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981; Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. М., 1983; Фирсов Л.А., Плотников В.Ю. Голосовое поведение антропоидов. Л., 1981; Фриш К. Из жизни пчел. - М., 1980; Хаксли Дж., Кох Л. Язык животных. - М., 1968.

11. "Теория информации обычно имеет дело с относительной информацией, которая тесно связана с отражением. Если в предмете происходят изменения, отражающие воздействия другого предмета, то можно сказать, что первый предмет становится носителем информации о втором предмете... Относительная информация из потенциальной, какой она является в докибернетических системах (системах неживой природы, не связанных с управлением), превращается здесь в актуальную информацию, т.е. отражение, пассивное в докибернетических системах, становится активным отражением" (см.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - М., 1987. С. 172).

12. О них см.: Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20; Он же: Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Там же. Т. 21.

13. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969. С. 50-63.

14. Об этом, в частности, см.: Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, В.С. Кубрикова, В.И. Постовалова и др. - М., 1988; Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мифология. - М., 1988.

15. Один из примеров исследований подобного рода см.:

1) Ломтев Т.П. Внутренние противоречия как источник развития языка // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. - М., 1976. С. 12-24; 2) К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка // Там же. С. 312-324.

16. Гершензон С.М. Молекулярная биология и теория эволюции // Философия и теория эволюции. - М., 1974. С. 77.

17. Тимофеев-Ресовский Н.В. Генетика, эволюция и теория биологии // Кибернетика живого: Биология и информатика. - М., 1984. С. 21.

18. Ср. в связи с этим рассмотрение Т.В. Гамкрелидзе со-

ображений Р.О. Якобсона о "эволюционном процессе наложения лингвистического кода непосредственно на генетический и копировании его структурных принципов" (см.: Тамкредидзе Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семантическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5-8).

19. См., например: Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. - М., 1979. С. 36-37; Ломтев Т.П. Причинность и вероятность в развитии языка // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. - М., 1976. С. 302-311.

20. Отторгает, конечно, не сама система, а люди, владеющие ею, знающие ее. Настороженное отношение общества к различного рода языковым новшествам ("неправильностям") хорошо известно.

21. О возможностях таких прогнозов см.: Горбачевич К.С. Русский язык. Прошлое, Настоящее, Будущее. - М., 1984. С. 160-166.

22. Подробнее см.: Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. - М., 1980. С. 196-205; Динамика структуры современного русского языка. - Л., 1982. С. 11-13.

23. Ср. также выяснение вероятностно-статистических характеристик перехода [r] в [r'] в русском языке Т.П. Ломтевым (см.: Ломтев Т.П. Причинность и вероятность в развитии языка).

24. Мартинович Г.А. Семантическая структура глагола пасть в современном русском национальном языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Л., 1979.

25. Словарь русского языка: В 4-х т. - М., 1981-1984. Т. 3. П.-Р. 1983.

26. На это достаточно ясно указывает соотношение количеств значений и иллюстраций к ним в книге: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. II. - СПб., 1895.

27. О глаголах пасть и падать в русской лексике конца XVIII - начала XIX вв. см.: Авилова Н.С. Пасть - падать - упадать // Русская речь. 1975. № 6. С. 61-64.

28. Мартинович Г.А., Братусь И.Б. Опыт типологического анализа семантических систем // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии. - Л., 1982. С. 166-170. Материалом для изучения семантики глагола to fall послужили данные словаря: *The Oxford English Dictionary, Oxford, 1933, vol. 10, F-G.*

29. М.М. Покровский писал: "...Одинаковые, довольно оригинальные значения в целом ряде языков, независимо друг от друга, вырабатываются одним и тем же путем" (см.: Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. - М., 1959. С. 76). Ю.В. Откупщиков, исследуя глаголы, связанные с трудовыми действиями, также делает заключение "о типовом характере важнейших семантических процессов" (см.: Откупщиков Ю.В. О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языка. - Л., 1969. С. 208).

30. О различных типах соответствий между значениями слов в

родственных языках см.: Будагов Р.А. Язык, история и современность. - М., 1971. С. 109-130.

31. Говоря о сопоставительном исследовании грамматик русского и английского языков, Л.С. Бархударов писал: "...Между глубинными структурами разных языков существует гораздо больше сходства, чем между поверхностными" (см.: Бархударов Л.С. Русско-английские языковые параллели // Русский язык за рубежом. 1972. № 2. С. 67). Представляется, что это высказывание будет полностью справедливым и в отношении лексической семантики.

32. Здесь, вероятно, правомерно говорить о "случайности неслучайного", т.е. о случайности каждого конкретного проявления (где, когда, как и т.д.) неслучайных во всем их множестве, а лишь варьирующихся в пределах своих свойств и возможностей мутаций. Случайность проявления - неслучайность бытия.

33. По исследованиям детской речи и речевым ошибкам см.: например, работы А.Н. Гвоздева, С.Н. Пейтлин, К.И. Чуковского, А.М. Шахнаровича. Из авторов работ по индивидуально-авторским употреблением отметим некоторых исследователей поэтической речи В.В. Маяковского: О.И. Александрова, Г. Вянокур, В.И. Петрушков, В.И. Фатюшенко, Эр. Ханпира. Неологизмы и окказионализмы в русском языке исследовались: А.А. Брагиной, В.В. Лопатыным, А.Г. Лыковым, В.И. Максимовым, И.Ф. Протчанко. Большой и очень интересный в рассматриваемом отношении материал представляет словари языка и словоупотреблений писателя (А.С. Пушкина, М. Горького и др.), словари новых слов и значений и многочисленные публикации в журналах "Русская речь", "Русский язык в школе", "Русский язык за рубежом" и некоторых других.

ЭТОД ЧЕТВЕРТЫЙ О МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИКИ

Свойственное некоторым направлениям формализма и структурализма отношение к языку только как к некой объективной (самостоятельной и самодостаточной) системе знаков, существующей в языковом материале (совокупности текстов), влечет за собой использование и соответствующих методов его описания, при применении которых часто "объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект" /1/. В этом случае, по справедливому замечанию Б.Н. Голловина, изучение объекта подменяется изучением его конструкций, на основе тех или иных принципов созданных самим же исследователем /2/. Такой подход к языковым явлениям в определенных случаях (особенно при описании формальной стороны языка) является вполне допустимым, а иногда (формализация в целях машинной обработки и т.п.) и просто необходимым, так как позволял и позволяет получать полезные практические результаты. В то же время нельзя не видеть, что к настоящему времени

он во многом исчерпал свои возможности и в решении целого ряда существенных проблем объяснительного характера оказывается односторонним, ограниченным, а иногда и просто несостоятельным. Эта несостоятельность становится особенно заметной при переходе от изучения формальных лингвистических явлений к изучению их содержательных сторон (семантики, значения и т.п.). "Текст сам по себе", "текст как таковой" в этом случае оказывается просто научной фикцией. Напомним: "существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одаренные языковым мышлением" /3/. Поэтому постоянные обращения лингвистов к языковому сознанию, языковому чутью народа, к самому "духу языка" вполне закономерны.

Одно из распространенных проявлений ограниченности традиционной точки зрения на язык, на наш взгляд, — это неоправданное впечатление его, казалось бы, верными со стороны отражения объективной действительности, но чуждыми естественной природе языка элементами и изучение уже не реального языка, а языка, самими исследователями так или иначе предварительно измененного. Однажды было сказано, что для того, чтобы наиболее точно представить, как воспринимают муравьи рентгеновское излучение, надо самому стать муравьем. Но реально стать муравьем человек не может, а муравей не может осознавать, а следовательно, и изучать свои "ощущения". В аналогичной ситуации оказываются иногда и лингвисты: они и реальные носители языка, но в то же время уже и не рядовые, а обученные (т.е. воспитанные в том или ином лингвистическом направлении, той или иной лингвистической школой) его носители. И воспринимать свой родной язык так, как воспринимает свой вариант национального языка каждый его обычный носитель, они уже, по-видимому, не могут. Л.В.Щерба, как известно, настойчиво подчеркивал необходимость обращения лингвистов к собственному языковому чутью, языковому сознанию, не находя в таком обращении ничего предвзятого /4/, и возражал против классификации слов "по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам" /5/. К сожалению, это возражение ученого было услышано далеко не всеми. Однако на практике довольно часто, несмотря на все многообразие выдвигаемых исследователями принципов описания абстрактных языковых систем, отмечается стремление к изучению языковых фактов именно такими, какими

они реально существуют в головах носителей языка. Это проявляется, например, в последовательном разграничении научного и бытового (формального, обыденного, обиходного, наивного) понятий, ближайшего и дальнейшего значений слова, в установлении семантических связей между отдельными значениями многозначного слова, деривационных отношений между производящей и производной, основами, в разграничении живой и мертвой метафор и т.п.

Хорошо известно, что каждый язык по-своему отражает и преломляет предметно-смысловую область действительности /6/. Более того, можно сказать, что каждый язык, по-своему преломляет действительность, в определенной мере еще и "извращает" ее. Давно отмечено также, что это ни в коей мере не мешает вполне достаточному пониманию друг друга людьми, общающимися на таких наивных и "алогичных" языках, а скорее наоборот, придает этому общению очень яркий национальный колорит, позволяет увидеть не черно-белую, а красочную картину мира. Для нас, например, в повседневном обиходном общении действительно встает и садится (или поднимается и опускается) солнце, стоит пенельница и лежит блюде, просыпается деревня, бежит время и т.д. Однако иногда исследователь, хорошо знающий объективную расстановку вещей в природе, не может примириться с этими "извращениями", с этой наивностью и алогичностью и начинает, так сказать, "научно" выпрямлять язык, достраивать и подстраивать его под "научность". Но фактически именно здесь и начинается действительное извращение реального языка, его естественной природы. Язык, несомненно, необходимо изучать таким, каким он есть — со всеми его "вывихами", "сдвигами", "изломами" и т.п., какими бы абсурдными они ни казались со строго научной (объективной) точки зрения на всю остальную окружающую действительность.

Вот несколько примеров.

Звук как физическое явление представляет собою колебания упругой среды, прежде всего — воздуха. Но подойти с этой стороны к живой человеческой речи (устному лексону) — это действительно подойти к ней только с одной стороны, и далеко не с самой важной.

Исследователи языка уже не раз задавались вопросом: почему говорящие люди не замечают реально существующих физических

(акустических) различий между звуками и очень часто совершенно различные по своим характеристикам звуки принимают практически за один и тот же звук, идентифицируют их как одинаковые /7/. Но люди не замечают эти различия именно потому, что они их и (принципиально!) не должны замечать. Это дело приборов. Определяющим для реально общающихся людей являются не физический, а функционально-социальный и социально-психологический аспекты языковых явлений. Поэтому в физическом [У] они всегда увидят для себя [X], если этот [У] в силу тех или иных причин психологически (не физиологически!) воспринимается ими как [X] /8/. Однако иногда исследователи языка не могут избавиться от иллюзии существенности фактического (физического, объективного) звучания, даже если оно действительно оказывается практически нерелевантным для реально общающихся на том или ином языке людей. Более того, попытки отхода от этой иллюзии нередко пресекаются под флагом борьбы с идеализмом /9/. Но никакого идеализма здесь, конечно, нет, а есть лишь реальные люди с их реальными психическими (т.е. идеальными) восприятиями. Называть же идеализмом изучение идеального (духовного) мира человека, реальных явлений его психики явно совершенно бессмысленно /10/. Другое дело, дать объективную оценку самих этих идеальных (иногда и достаточно субъективных) восприятий. Сделать это помогают прежде всего психолингвистические эксперименты. Но даже априори можно, например, предположить, что большинством рядовых носителей русского языка фонетический облик слов тата и тятя различается не по качеству (твердости-мягкости) согласных [t] и [t'], как принято считать, исходя из заранее разработанной по определенным принципам схемы, а по качеству (степени продвинутости и подъема) гласных [a] и [ä], [л] и [л'] и т.п. Другими словами, дифференциальными, фонематически значимыми для неискушенных носителей языка скорее всего будут не согласные, а гласные в их реальном восприятии. Вполне вероятно также, что эти восприятия могут быть различимыми, например, у дошкольника и школьника, студента-филолога и нефилолога, у носителей разных вариантов национального языка и т.д. Но все это как раз и будет той языковой реальностью, которую надлежит изучать такой, какой она есть.

Следующий пример. Во многих учебниках по фонетике и фоно-

логии говорится о непрерывности потока речи и о невозможности членения речи на отдельные звуки, а только на варианты фонем с функциональной точки зрения. И действительно, с естественно-научной (не гуманитарной) точки зрения на физические явления, с точки зрения акустики и т.п. какого-то отдельного, "стерильного" звука мы не найдем не только в человеческой речи, но и нигде в естественной природе. В физическом мире нет и никаких четких границ между последовательными звуками. Никаких точных границ между отдельными звуками человеческой речи, взятыми в их последовательности, конечно, также не существует. Но не это главное. Ведь совершенно не случайно овладение именно членораздельной (!) речью стало одним из важнейших этапов в процессе становления человека — "человека говорящего", "человека мыслящего". Реальный общающийся человек наперекор естественной природе в своем психическом (не физиологическом) восприятии (в случае обращения к этой стороне языка) неизменно членит звучащую речь именно на звуки, на дискретные фонетические единицы. В этом прежде всего проявляется одно из чрезвычайно важных свойств человеческой психики: замечать главное, существенное, значимое и т.п. и не замечать (абстрагироваться от) второстепенное, несущественное, не имеющее значения (в данном случае — "тонкости" звуковых переходов между вариантами фонем). Представление собственного звука для реальных людей в их обыденной жизни действительно существует. Лучшим естественным доказательством тому является возникновение на заре цивилизации буквенного письма. Это свидетельствует только об одном: люди, начинавшие осознавать свой язык, начинали осознавать в речи отдельные звуки, начинали осознавать ее дискретность, членораздельность /II/. Не учитывать этого, значит уходить в область чистых абстракций, очень "научно" отрываясь от самого естества языка, от того, каким он реально существует в головах его "бесхитростных" носителей. И это с каждым днем становится все более понятным. Очевидно именно поэтому в указанных еще Л.В. Щербой трех аспектах фонетических явлений — акустико-артикуляционном, функциональном (фонологическом) и социальном (психологическом) — в наше время все больше внимания начинают уделять двум последним /I2/, т.е. происходит переориентация от изучения собственно физических явлений как таковых к изучению их лингвистических функций

в процессах речевого общения людей и их психологических восприятий в тех или иных языковых кодификатах.

Приведем пример из области морфологии. Л.Л. Буланин считает, что в понятии принадлежности (имеются в виду содержательные признаки притяжательных прилагательных) "несомненно, отражаются отношения собственности, свойственные и специфичные лишь для человеческого общества" /13/. Эти отношения проявляются в выражениях типа Петин мяч и Петин портфель и совершенно чужды выражениям Петин дом, Петина комната, Петина голова, а тем более сочетаниям волчья нора, волчья шкура, где речь идет о "норе, в которой жил (живет) волк, о шкуре, находящейся на волке" /14/. Конечно, со стороны научного взгляда на действительность (не на язык!) все это абсолютно верно. Бессмысленно говорить о "голове, принадлежащей Пете" или о "шкуре, принадлежащей волку" (впрочем, "находящейся на волке" несколько не лучше). Но все это вовсе не бессмысленно с точки зрения нашего "наивного" языка, совершенно реального в этой своей наивности. У реального языка свое особое царство, в котором хорошо уживаются явления, казалось бы не совместимые в объективной действительности. Обусловлено это всем ходом его исторического развития /15/. Весьма существенно также, что речь в данном случае идет прежде всего о грамматической категории притяжательности, а не об отношениях в мире вещей, людей и животных. Здесь, как это уже не раз было убедительно показано различными исследователями /16/, нет и не может быть прямых и однозначных соответствий, так как это хотя и взаимосвязанные (одно является отражением другого), но принципиально разные явления.

Особенно заметной, как уже отмечалось, несостоятельность прямолинейно-логического подхода к языку человека становится в случае формализации, структурализации и т.п. его содержательной стороны (семантики, смысла, значения и т.д.). Необходимость формализации семантики обычно объясняют стремлением избавиться от субъективных моментов исследования, желанием придать получаемым моделям лингвистического объекта более структурированную форму, применить математические методы описания и т.п. В связи с этим обычно ставится задача "не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соответствующие группы слов" /17/ или "исследовать внутренние свойст-

ва языковых единиц без прямого обращения к их (единиц) содержанию" /18/ и т.п.

В отечественной науке хорошо известны работы в этом направлении А.К. Жолковского, И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна /19/, Ю.Н. Караулова и других. Так, например, Ю.Д. Апресян считает, что "задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы **формализовать** наши первоначально интуитивные знания об объекте" и что "только формальная теория допускает экспериментальную проверку и однозначную передачу наших знаний другим лицам" /20/. Признавая полную правомерность формального подхода к языковым явлениям в определенных случаях, необходимо в то же время напомнить о том, что формализовать (а следовательно, и описать математически) можно лишь то, что принципиально подлежит формализации, а именно — саму форму (структуру). Исходя из признания сложного диалектического единства формы и содержания, мы, несомненно, должны признать и возможность исследования содержательной стороны языка путем исследования его формы — знания о форме должны дать какие-то знания и о содержании. Однако не следует забывать, что анализ содержания через анализ формы — это лишь один из возможных способов его (содержания) анализа, и способ не основной, а вспомогательный: "Любая формализованная теория беднее соответствующей ей содержательной теории: выигрывая в точности, она достигает этого за счет сознательного отвлечения от многих сторон рассматриваемого содержания" /21/. Неоправданная абсолютизация и универсализация формальных методов находят, например, отражение в чрезвычайно обедненной, по нашему мнению, интерпретации понятия "смысл" в ряде формально-семантических исследований.

В основе целого ряда формально-структурных описаний языковой семантики лежит признание того факта, что, по словам И.А. Мельчука, "е с т е с т в е н н ы й язык — это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы" /22/. При этом:

1. Смысл недоступен в прямом наблюдении.
2. Смысл есть некий конструкт.
3. Чтобы со смыслом можно было обращаться в рамках научного исследования, мы должны уметь его описывать на некотором

формальном языке.

Сходных взглядов придерживается и Ю.Д. Апресян: "Говоря о разных способах выражения одной и той же мысли, или о семантическом тождестве внешне различных высказываний, мы имеем в виду, что существует некий не данный нам в прямом наблюдении семантический язык, или "язык мысли" /23/. Поэтому "производство осмысленного предложения можно представить как перевод с семантического языка на естественный, а понимание предложения — как перевод с естественного языка на семантический" /24/.

Все это приводит авторов отмеченных работ к признанию абсолютной смысловой тождественности синонимических выражений типа: эта мысль приводит его в ужас (трепет); наводит на него ужас (страх); при (от) мысли он приходит в ужас, испытывает ужас (страх, трепет) и т.п. Полностью тождественными по смыслу признаются также естественные высказывания и их формальные преобразования на искусственном семантическом языке. Например: "Косте удалось победить (X-а в U)" и "этот мужчина по имени Костя каузирует действовать (т.е. пускает в ход) Y, являющийся его ресурсами, с целью победить X-а в U, и это — наряду с Z, не зависящем от Кости, — каузирует победу Кости, которая имеет место однократно до момента речи" /25/. Употребление идиоматичного и, по существу, непереводаемого на другие языки глагола подмывать в предложении "Его так и подмывало спросить, где же Иван был раньше" преобразуется Ю.Д. Апресяном на семантический язык следующим образом: "Внутренний фактор каузировав X-а хотеть сделать (точнее: исполнить "хотение". — Г.М.) B, и X с трудом каузировав себя воздерживаться от B" /26/. Однако именно смыслы таких, например, выражений, как "он хотел пойти в кино", "ему хотелось пойти в кино", "он стремился пойти в кино", "его подмывало пойти в кино", "он ждал пойти в кино" и т.п. являются различными и в целом неповторимыми (уникальными). Каждая из этих фраз выражает именно то, что только она одна должна и может выражать: мне хотелось — это и есть "мне хотелось", а меня подмывало — это и есть "меня подмывало" и т.п. А еще точнее, каждая фраза (высказывание) выражает только то, что она и только она выражает в той или иной конкретной ситуации. Утверждение семанти-

ческого тождества (т.е. равенства при всех условиях) синонимичных словесных преобразований вольно или невольно ведет к необходимости признания раздельности, некоего параллелизма и т.п., а не диалектического единства формы и содержания. Каждый смысл существует в нас не сам по себе, а сформирован при помощи языка и существует в языке (в языковом оформлении). Так, например, выражение меня подмывало (сделать что-нибудь) значит для нас "меня подмывало" именно потому, что это его значение сформировано в сознании носителей языка всем опытом их жизни совместно и неотделимо от всего их языкового опыта, т.е. от опыта встреч с данным выражением в процессах реального речевого общения людей, а следовательно, с коллективным опытом предшествующих и нынешних поколений. Словом, это значение неотделимо от всего культурно-исторического опыта народа.

Исходя из признания тождественности, абсолютного равенства семантики левой (значение толкуемого слова) и правой (значение самого толкования) сторон толкового словаря, исследует семантические связи слов Ю.Н. Караулов. Так, еще в 1976 г., отказываясь от неудовлетворившей его идеи создания "искусственных семантических языков", но не от идеи анализа по семантическим множителям, он предлагает, по его мнению, более "естественный" способ определения этих множителей, а именно — понимать под семантическими множителями всякие полнозначные слова, использованные в правой части (на "выходе") толкового словаря /27/. В более поздней работе Ю.Н. Карауловым утверждается необходимость расценивать в качестве семантических множителей "всякое слово на выходе (в дефиниции) толкового словаря. Тем самым два слова считаются связанными друг с другом, если имеют хотя бы один общий семантический множитель (компонент)" /28/. На этой основе и был создан вышедший в 1982 г. "Русский семантический словарь" /29/, произведенный, как сказано его авторами, "обыкновенной, хотя и умудренной хитроумными программами электронно-вычислительной машиной" /30/. Недостатки (как и определенные достоинства) этого словаря хорошо известны. По нашему мнению, истоки большинства из них кроются, прежде всего, в ложности самой основной посылки: левая сторона словаря = правая сторона словаря. А это, естественно, разрушает и все дальнейшие построения. Толкование значения в словаре вовсе не есть само это значение. Оно для

этого просто не предназначено, это не его функция. Поэтому толкование не заменяет значение слова и не идентично ему как по объему (количеству признаков, "семантических множителей", "компонентов" и т.п.), так и по качеству (с о д е р ж а н и ю п р и з н а к о в). Словарное толкование даже описательного типа только указывает на значение толкуемого слова с той степенью точности, определенности, которых достаточно для "опознания" этого значения рядовым носителем языка.

Еще раз подчеркнем, что значение каждого слова есть, так сказать, прерогатива самого этого слова, выражается и передается т о л ь к о этим словом и полностью равноценных эквивалентов практически никогда не имеет (весьма немногочисленными дублетными наименованиями можно, конечно, пренебречь). Поэтому любые перифразы могут лишь с большей или меньшей точностью указывать на значения перифразируемых слов и выражений, но н е з а м е н я т ь эти значения в их полном объеме. Поэтому же между правой и левой сторонами толковых словарей никогда не может быть поставлен знак равенства.

Истоки подобной приведенной ^{или выше} ~~ниже~~ примерам неправомерной "логизации" (онаучивания) языка, а также неуместного и необдуманного применения формальных и структурных методов его исследования заключаются, как уже отмечалось, прежде всего, в признании существования языка только в материальной форме (т.е. в понимании его исключительно как некой самостоятельной объективной сущности, независимой от человека системы языков и т.п.) и в скептическом отношении (или же полном неприятии) к языку во второй (идеальной) форме его существования. Из этого закономерно следует, что язык необходимо изучать точно так же, как и все остальные природные явления: звезды, атомы, минералы, растения, животных и т.д. А это уже относится к своим методологическим основам лингвистических исследований и проявляется прежде всего в вульгарно-прямолинейном привнесении методов естественных и "точных" наук в гуманитарную область знаний, а иногда и в полной подмене одних методов (гуманитарных наук) другими (методами точных и естественных наук). Однако в гуманитарной области действительности, как известно, властвуют свои собственные, неповторимые и нерепродуцируемые в других ее областях законы, предопределяющие и свои собственные методы изучения этой области. Наука —

едина /31/. Частные науки - различны. Различны и совокупности методов (методологии), применяемых в отдельных науках. И в этом нет никакого противоречия, а есть реальная диалектика. Поэтому широко распространенное требование проверять "алгеброй гармонию" является всего лишь результатом казуистики и словесных передергиваний. А.С. Пушкин словами Сальери утверждает именно н е с о с т о я т е л ь н о с т ь и п р и м и т и в н ы м д е я т е л ь н о с т и п о д о б н о г о р о д а: "Ремесло Поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник: перстем Придал послушную, сухую беглость И верность уху. Звуки умертвив, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию".

В то же время несколько прямолинейный естественнонаучный подход к "речевой деятельности" отмечается и в некоторых психолингвистических исследованиях, хотя явления психического (идеального) уровня (языковое сознание, языковая способность, языковая компетенция и т.п.) занимают одно из центральных мест в психолингвистике. При этом идеальное либо вообще изгоняется из научного обихода, либо растворяется в материальных явлениях, а все процессы речевой деятельности сводятся непосредственно к различным видам движения материи - от энергетического до нейронного, кинематического, звукового и т.п. В этом случае общающиеся люди (к сожалению, как правило, не наоборот) уподобляются техническим устройствам различной степени сложности (передатчикам, приемникам и т.п.), не генерирующим в речемышлении новую, а лишь обменивающимся уже заранее готовой информацией, а еще точнее, как принято утверждать в этих исследованиях, возбуждающим друг в друге при помощи соответствующих звуковых сигналов ("тел знаков") аналогичные, заранее существующие в сознании людей смыслы /32/. О неправомочности подобного рода разрыва формы и содержания уже говорилось. Кроме того, при таком подходе выработка самих смыслов, получение нового знания и т.п. непосредственно в процессах речемышления и коммуникации ставятся под большое сомнение. Речевое общение людей, несомненно, происходит на основе различных видов движения материи, но оно не суть сами эти движения. Речевое общение людей в процессах их той или иной деятельности, как уже отмечалось (см. "Этюд второй"), есть качественно особый уровень коммуникации - уровень обмена

собственно содержаниями (смыслами) в виде звуков (воплощенными в звуки), а не звуками как таковыми, лишь возбуждающими соответствующие смыслы. Такова собственно психологическая реальность речевого общения и, очевидно, именно она в первую очередь должна стать предметом науки, называющей себя психолингвистикой. Тезис "идеальное исчезло", в той или иной форме все чаще начинающий звучать в конце XX в., по-видимому, ничуть не более перспективен, чем тезис "материя исчезла", настойчиво утверждавшихся в конце XIX в.

Особенно ясно "исчезновение идеального" прослеживается в трудах представителей естественных наук, занимающихся изучением явлений, связанных с "речевой деятельностью" (см., например, исследования группы Н.П. Бехтеревой). В подобных работах человек также обычно превращается в сложную биохимическую и биофизическую машину, а вся его речемыслительная деятельность сводится лишь к соответствующим материальным процессам. Известно, однако, что мыслят не сами биохимические и биофизические процессы, не мозг человека сам по себе (мозг "в человеке") и даже не само мышление, а лишь сам человек на основе биохимических и биофизических процессов, **личность** при помощи мозга (рассуждая, думая, обмениваясь мыслями и чувствами и т.д. и т.п.). И мыслит каждая нормальная личность не при помощи левого или правого полушария мозга, передних (лобных) или задних (затылочных) его долей, коры или подкорки и т.п., а при помощи мозга во всей его целостности, включая, очевидно, и периферийную нервную систему. Словом, и речемыслительная, и коммуникативная деятельности осуществляются самой личностью, а не участвующими в этих деятельности органами.

Конечно, не учитывать все самые разнообразные явления, имеющие отношение к речевому общению, исследователь языка не может и не должен. Все дело в соблюдении необходимых пропорций, расстановке нужных акцентов, в отделении главного, существенного от второстепенного и малосущественного в каждом конкретном случае. Лингвисту можно и нужно изучать абстрактные языковые системы, собственно акустические свойства человеческой речи и нейрофизиологические процессы речевой деятельности, сами явления объективной действительности, находящие отражение в языке и т.д. Но каждое такое изучение, проведенное с

о п р е д е л е н н о й ц е л ь ю, с одной стороны, будет неполным, частным, односторонним и ограниченным изучением, а с другой (что гораздо важнее) — оно лишь в незначительной мере затронет существенные стороны самого языка (хотя и может быть полезным в каких-то других отношениях). К тому же, как писал Ф. де Соссюр, "неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство" /33/. Это единство, по нашему мнению, следует искать не в абстрактных языковых системах, на основе схем различных принципов конструируемых учеными ("столько лингвистик, сколько лингвистов" — А.Мейе), а в реальной отсылке носителей языка к речевым фактам, в реальном восприятии этих фактов, т.е. его следует искать на собственно п е с л о л о т в ч е с к о м (не "ниже" — нейрофизиология и т.п. и не "выше" — механика и т.п.) уровне /34/. Единственным подлинным потребителем и творцом языка является сам народ — и его "мастера" и его "подмастерья". Но и потребляет, и пользуется, и творит свой язык народ во многом, хотя, конечно, и не во всем (существует еще, к примеру, сознательно-нормализаторская деятельность лингвистов и т.п.), на основе своего собственного восприятия (сознательного и бессознательного) этого языка и его отдельных элементов, своего реального отношения к ним. То есть, каким воспринимает народ свой язык в речи, текстах, таким он и отражается в сознании. И наоборот, каким отражается язык в сознании людей, таким он и воплощается, реализуется ими в речи, учитывая, конечно, творческий характер самой "речевой деятельности". Поэтому, очевидно, что планомерное изучение подлинной сущности языка во всей его конкретности (а время для движения, "возхождения" от абстрактного к конкретному в языковедении, ко-видимому, уже наступило) совершенно неотделимо от изучения сущности самого человека, человеческой личности. В связи с этим на первый план выдвигается задача проверки "психологической реальности лингвистических моделей" (Дж. Миллер), выяснения "отношения между системой языка (языком как предметом) и языковой способностью" (А.А. Леонтьев). Поэтому системно-структурные исследования языка, проводящиеся на базе "языкового материала", непременно должны проходить проверку "на реальность, достоверность" (на отсутствие искусственности построения, конструируе-

мости, умозрительности и т.п.) в исследованиях "языковой способности", осуществляемой прежде всего с помощью психолингвистических экспериментов. И наоборот. В идеале результаты тех и других исследований не только не должны мешать друг другу, а тем более исключать друг друга, но они должны взаимно проверять достоверность друг друга, дополнять, уточнять и обогащать друг друга, а их результаты – обобщаться и затем подвергаться всестороннему анализу. Именно таким, как представляется, должен стать на современном этапе развития лингвистической науки сложный и противоречивый путь объективного познания этого совершенно феноменального явления – человеческого языка.

Примечания

1. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. С. 46.
2. Головин Б. П. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 21-34.
3. Боуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. Т. 2. С. 181.
4. Шерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. С. 24-39.
5. Он же. О частях речи в русском языке // Шерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. С. 64.
6. Шмелев Л. Н. Принципы семантического анализа лексики. – М., 1973. С. 14; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. С. 80.
7. См., например: Шаумян С. К. Проблема фонемы // ИАН СССР. ОЛЯ; Т. XI. Вып. 4. – М., 1952. С. 324.
8. Ср., например, фонетическую интерпретацию предударных гласных в словах сама и сома московской и ленинградской фонологической школами.
9. Бернштейн С. Против идеализма в фонетике // ИАН СССР. ОЛЯ. Т. XI. Вып. 6. – М., 1952.
10. Т. П. Ломтев писал в 1970 году: "В настоящее время основное отклонение от марксистской теории познания связано с отрицанием существования идеального как отражения материального. Признание существования идеального как отражения материального, квалификация знаний, мыслей как идеальных образований признается субъективизмом". (Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. – М., 1976. С. 247-258).
11. Ср. запись "непрерывной музыки ("музыкальной речи") при помощи "прерывных" нот и т.п.
12. См., например: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. – М., 1977; Она же. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л., 1981.
13. Булачин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М., 1976. С. 77.

14. Там же.
15. О прочном сохранении в языке "очень архаичных моделей миропонимания" см.: Денисов П.Н. Проблема значения слова в связи с моделированием языка // Проблема значения в лингвистике и логике. - М., 1963. С. 41.
16. См., например: Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М.-Л., 1965.
17. Шайкевич А.Я. Распространение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностранные языки в высшей школе. Вып. II. - М., 1963. С. 15.
18. Плотников Б.А. Дистрибутивно-статистический анализ одной лексической группы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1971. С. 3.
19. Критическое рассмотрение основных положений этого направления см.: Котелова Н.В. Значение слова и его сочетаемость. - Л., 1975; Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М., 1975.
20. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. - М., 1966. С. 15-16.
21. Краткий словарь по философии. - М., 1982. С. 370.
22. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "смысл текст". - М., 1974. С. 9.
23. Апресян Ю.Д. Указ. соч. С. 253.
24. Там же.
25. Мельчук И.А. Указ. соч. С. 31 и 67.
26. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). - М., 1974. С. 108.
27. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М., 1976. С. 181-182.
28. Он же. Частотный словарь семантических множителей русского языка. - М., 1980. С. 5.
29. Русский семантический словарь. - М., 1982.
30. Там же. С. 3.
31. Дмитриев П.А., Мокшенок В.М., Сафронов Г.И. Основы марксизма-ленинизма и славянское языкознание: Учеб. пос.-Л., 1990. С. 54-66.
32. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. - Л., 1989. С. 13-23; Лингвистическая прагматика и общение в ЭВМ. - М., 1989. С. 5-34.
33. Сосеяр Ф. де. Указ. соч. С. 48.
34. "...Хорошее психологическое описание данного языка в данный момент времени само по себе способно дать понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем". (см.: Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. I. Пг., 1915. С. XIX).

ЭТЮД ПЯТЫЙ
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

(Вопросы взаимоотношения языка и мышления в
работах И.М. Сеченова и И.П. Павлова)

Проблема соотношения языка и мышления относится к междисциплинарным, или, лучше сказать, общенаучным проблемам. Вполне естественно поэтому, что, будучи тесно связанной с основным вопросом философии — с вопросом отношения бытия и сознания — она является и одной из центральных общепhilософских проблем. Как и в каждой общей проблеме, в ней могут быть выделены различные частные стороны, вопросы, аспекты, они может быть рассмотрены с различных мировоззренческих позиций с использованием методологии разных направлений, школ, традиций и т.п. В данном случае мы ограничиваемся изложением некоторых, как нам кажется, наиболее существенных вопросов соотношения языка и мышления в работах И.М. Сеченова и И.П. Павлова в свете материалистического мировоззрения.

За основу, определяющие положения при рассмотрении этих категорий нами принимаются известные высказывания К.Маркса и Ф. Энгельса о сущности языка и сознания и их отношения к бытию, объективной действительности. Предварительно рассмотрев четыре предположения возникновения человеческого сознания, К.Маркс и Ф. Энгельс пишут в "Немецкой идеологии": "На "духе" с самого начала лежит проклятие — быть "отягощенным" материей, которая выступает здесь в виде движущихся слов воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми" /1/. И далее: "непосредственная действительность мысли есть язык". Эти высказывания хорошо известны. Однако интерпретации их отдельными исследователями бывает самой разнообразной. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что данные выражения очень часто приводятся либо не полностью, либо в несколько искаженном виде. Вот один из довольно

типичных примеров: "Язык - это прежде всего "важнейшее средство человеческого общения" (В.И. Ленин), "практическое... действительное сознание" (Маркс-Энгельс), орудие мышления" /2/. Не говоря о том, что подобное механическое соединение "определений" языка методически неправомерно, так как в зависимости от признания за основную ту или иную функцию языка (средство общения, орудие мышления и т.п.) по-разному могут быть решены некоторые весьма существенные вопросы, отметим, что в приведенной форме высказывание из "Немецкой идеологии" не только значительно обеднено, но и неверно. Весьма существенным представляется также замечание К.Т. Крушельницкой, сделанное ей /3/ по поводу неточности принятого перевода выражения "*Die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens ist die Sprache*" "как язык есть непосредственная действительность мысли" /4/. Уже простая логическая операция (любая непосредственная действительность мысли есть язык) указывает на логическую ошибку, допускаемую в этом традиционном переводе, тогда как более точное русское соответствие: "непосредственная действительность мысли есть язык" (и соответственно: любой язык есть непосредственная действительность мысли) существенно меняет положение вещей. Все дело, очевидно, в том, что рассматриваемое выражение в оригинале не является собственно дефиницией языка, а отмечает лишь один из возможных (в данном случае основной, главный, но, конечно, не единственный) видов "непосредственного", "действительного", практического" и т.п. проявления ("для других и лишь тем самым для меня самого") человеческой мысли. Необходимо обратить особое внимание на то, что Маркс и Энгельс постоянно подчеркивают, с одной стороны, неразрывное диалектическое единство (но не тождество) человеческого звукового языка и собственно человеческих (т.е. абстрактных, отвлеченных, научных, рациональных, надситуативных и т.п.) форм и способов мышления, с другой - гносеологически "отягощают" сознание, мышление языком, а не наоборот, т.е. тем самым утверждают первичность и причинность мышления, и вторичность, зависимость от него языка: "непосредственная действительность мысли есть язык", "язык есть практическое существующее и для других людей и лишь тем самым существующее

также и для меня самого действительное сознание" и т.п., словом, везде в первую очередь определяется, что есть ближайшая "непосредственная действительность" мысли, ее практическое, действительное, материализованное в виде движущихся слов воздуха (звуков) проявление для других людей.

Однако ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В.И. Ленин в свое время не проводили разграничения между языком и речью, как не проводили его И.М. Сеченов и И.П. Павлов. В их работах язык и речь по отношению к сознанию, мышлению рассматривались индифференцированно, главным образом, с точки зрения определения и описания особенностей их сущности в отличие (и в единстве) от сущности различных мыслительных явлений. К тому же эта важная проблема (язык - речь) тогда еще вообще не была поставлена в качестве подданной научной проблемы, и по отношению к ней имелись лишь отдельные высказывания некоторых исследователей (например, В. фон Гумбольдта). Как известно, первое научное исследование и постановка этого вопроса связаны с публикацией П. Барли и А. Саше (Париж, 1916) своих студенческих конспектов лекций немецкого лингвиста Ф. де Соссюра (первая публикация на русском языке относится к 1933 г.), хотя, как это теперь вышло, в них мысли и взгляды Ф. де Соссюра представлены в несколько извращенном виде, низведены "на уровень обычного "социологического" понимания" /5/. Но это неразграничение языка и речи ни в коей мере не должно сказываться на оценке принципиального подхода ученых того времени к рассматриваемой проблеме, ибо, как отмечает В.В. Панфилов: "эта формула (имеется в виду выражение из "Немецкой идеологии" на "духе"... и т.д. - Р.А.) Маркса и Энгельса нуждается в известном уточнении в связи с необходимостью разграничения языка и речи. Лишь содержательная сторона речи выступает вместе с тем как содержание нашего сознания, и она не сводится к простой сумме значений чуждых языковых единиц, которые используются в процессе речи... Учитывая факт несоответствия языка и речи, можно было бы перефразировать это положение Маркса и Энгельса следующим образом: "язык есть действительное сознание" /6/, аналогично и: "непосредственной действительностью мысли есть речь".

Ленинградский век ознаменован началом интенсивного развития естественных наук вообще и всестороннего изучения самого

человека как социально-биологического существа в частности. Надлежащее место в этом процессе заняли исследования языка и речи, мышления и сознания, их природы, устройства, связей и отношений. При всем разнообразии существовавших в то время в данной области взглядов, школ, направлений, методов и т.п. у истоков всех последующих передовых, материалистических направлений отечественной науки стоят прежде всего имена двух виднейших русских психологов и физиологов — И.М.Сеченова и И.П.Павлова.

I

Как известно, величайшей заслугой "отца русской физиологии" (И.П.Павлов) И.М. Сеченова является научное ("объективное") доказательство того, что "внешняя деятельность человека, все его акты сознательной и бессознательной психической жизни управляются физиологическими механизмами и по своему происхождению суть рефлексы, которые начинаются возбуждением органов чувств предметами внешнего мира, продолжаются психическим актом и кончаются мышечным движением" /7/. Занимаясь изучением физиологии психических процессов, физиологии мышления и т.п., И.М.Сеченов, вполне естественно, большое внимание уделил и интересующим нас вопросам, сущность которых изложена им помимо "Рефлексов головного мозга" в таких работах, как "Кому и как разрабатывать психологию", "Предметная мысль и действительность", "О предметном мышлении с физиологической точки зрения", "Элементы мысли" и некоторых других.

Одним из наиболее существенных моментов учения И.М. Сеченова, имеющего принципиальное значение для дальнейшего изучения природы человеческого (собственно *homo sapiens*) мышления, является понимание им мышления (в самом широком смысле слова) как явления постоянно изменяющегося, развивающегося, находящегося как в плане онто-, так и филогенеза в неумолимом движении от наипростейших, первичных, примитивных форм к формам все более и более высоким и совершенным. Эта мысль неоднократно подчеркивалась и акцентировалась Сеченовым во многих работах. Основываясь на существовании открытых им тормозающих центров головного мозга, Сеченов понимает мысль с физиологической точки зрения как результат искусства задерживать конечный член рефлекса: "Этот результат резюмируется умением мыслить, думать,

рассуждать. Что такое в самом деле акт размышления? Это есть ряд связанных между собою представлений, понятий, существующих в данное время в сознании и не выражающийся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт... не может явиться в сознании без внешнего чувственного возбуждения. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону. А поэтому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца — движения.

Мысль есть первые две трети психического рефлекса" (118) /8/.

Тем самым Сеченов включает любую мысль в психический рефлекс, что имело и продолжает иметь исключительно важное значение для правильного решения основного вопроса философии. Процесс мышления, "его логическая сторона" трактуется Сеченовым "как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении" (279), среди которых выделяются "три главных категории отношений — сходство, сосуществование и последование — соответственно тому, что в мысли объекты являются только в трех главных формах сопоставления: как члены родственных групп, или классификационных систем, как члены пространственных сочетаний и как члены предметных рядов во времени" (286), или, другими словами: "совместное существование, последование и сходство" (285), "сходство, пространственная, или топографическая связь и преемство" (340) и т.п. При этом содержанием актов мышления объявляется сравнение (195). Таким образом, мысль — это "сопоставление двух (по меньшей мере) или более объектов друг с другом в отношении или направлении. Значит в мысли вообще можно отличить следующие общие элементы: 1) раздельность объектов, 2) сопоставление их друг с другом и 3) направление этих сопоставлений" (301).

"Между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении, со стороны процесса, в сущности, нет ни малейшей разницы. Это тот же самый психический рефлекс с одинаковым психическим содержанием, лишь с разницей в возбудителях. Я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял" (110). "Содержание же воспроизведенного чувствования определяется организацией его следа в складе

памяти в минуту воспроизведения" (323). Следовательно, между фактом непосредственного, чувственно-наглядного сопоставления и соизмерения (т.е. тоже мыслью), который является "чувственным первообразом сравнения, доступным даже животному, -актом сознания, чувствуемым непосредственно, без всяких рассуждений" (324-325), и фактом сопоставления и соизмерения "воспоминаний" о различных действительных впечатлениях, воспоминаний, которые могут быть вызваны самыми разнообразными "возбудителями" ("первыми и вторыми сигналами", т.е. предметами, вещами, словами и т.д.), нет никакой принципиальной разницы.

Именно с этого "чувственного первообраза сравнения, доступного даже животному" и начинается, можно сказать, "страна мышления", и даже более того: мышление начинается с узнавания в самых примитивных формах, свойственных "не только ребенку, но и животным, обладающим способностью передвижения" (341), так как "узнавание предметов, этот наипростейший из всех психических актов, носит на себе все существенные характеры (т.е. по содержанию и как ряд процессов) мышления... в нем содержится даже та сторона мышления, из-за которой последней придают характер разумности" (342) и, может быть, слишком категорично: "в узнавании есть, наконец, даже элементы рассудочности, насколько процесс напоминает собой умозаключительные акты" (343).

Однако, "учение о мышлении было осуждено целые века развиваться на готовых образчиках мысли, воплощенной в слово. Оно изучалось, другими словами, с середины, а не со своего естественного начала, притом не по исходным или основным формам, а по образцам вторичным, производным" (276-277), тогда как "изучение должно начинаться с истории возникновения детской мысли из чувствования или вообще предметной мысли из ощущения" (276) и тем самым должно позволить решить вопрос "о развитии зрелого мышления из исходных детских форм, или, что то же, решить вопрос о развитии всего мышления из чувствования" (277).

И все же, несмотря на то, что "акты различения во внешних предметах их качеств или признаков свойственны, без всякого сомнения, как детям, так и животным, поэтому и последние обладают способностью узнавать предметы по отдельным признакам" (349), а "различие в предметах их свойств есть уже род мышле-

ния предметами и их свойствами" (350) и что "на этой ступени развития расчлененное чувствование, как средство ориентации во времени и пространстве и как руководитель целесообразных действий, носит на себе все внешние характеры мышления", все же оно "в сущности представляет не что иное, как фазу расчлененных чувственных рядов, координированных друг с другом и с двигательными реакциями в определенные группы. Это есть фаза чувственно-автоматического мышления, которую едва ли переступает какое-либо животное в диком состоянии, но которая у человека непосредственно переходит в конкретное предметное мышление" (351).

Изучая дальнейшие ступени развития мышления, И.М.Сеченов в работе "Элементы мысли" задался целью "рассмотреть простейшие формы мышления, возникающие на основе чувственных образов, показать преобразование чувственных впечатлений в мысль, оформленную в речь; дать материалистическое объяснение самосознания человека; рассмотреть чувственные корни абстрактного или, как его называл Сеченов, "внечувственного" мышления" /9/. Считая структуру мысли постоянной на всех стадиях, ступенях ее существования ("всякую мысль можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении" (279)) и независимой от содержания, утверждая "тесное родство мыслей разных порядков не только со стороны общего типа их строения, но и со стороны отношений, в которых объекты сопоставляются друг с другом" (286), И.М.Сеченов исходным положением этой своей работы устанавливает "возможность изучения всех мыслимых человеком отношений в первоначальной школе предметного мышления, имеющего корни несомненно в чувствовании" (280), о котором в несколько более ранней работе "О предметном мышлении с физиологической точки зрения" говорилось, что "элементами бессловесной предметной мысли служат продукты воздействия внешнего мира на наши органы чувств, а факторами, из кооперации которых мысль возникает, - повторяющееся внешнее воздействие, упражненный орган чувств и органы памяти. Что же касается процесса мысли, то в случае, когда она рождается непосредственно из реального впечатления, акту мышления соответствует физиологический ряд отдельных реакций упражненного чувства на сложное внешнее воздействие. Когда же мысль является в виде воспоминания, то ее физиологическую основу составляет повторение преж-

него нервного процесса, но уже исключительно в центральной нервной системе" (272-273).

Уже самым ранним фазам, ступеням, стадиям развития мышления (фазам "чувственно-автоматического мышления") присущи такие важные свойства, как отвлечение и обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.п., которые находятся в постоянном качественном изменении, совершенствовании, развитии и проявляются в наиболее полной, законченной форме только в собственно человеческом, т.е. предельно отвлеченном, абстрактном, понятийном и т.п. мышлении, важнейшая роль в формировании которой отводится языку, слову. Другими словами, каждой ступени (фазе, стадии) развития мышления соответствуют различные степени символичности (а под ней Сеченовым понимались различные формы и виды отражения объективного мира) по близости их соответствия, сходства с действительностью.

Так, помимо простого узнавания, опознания предметов и явлений, т.е. I-й стадии "чувственно-автоматического мышления", И.М.Сеченовым последовательно выделяются еще три находящиеся в постоянной связи и взаимодействии фазы развития и существования мышления: 2) фаза предметного (чувственно-наглядного, непосредственного, ситуативного и т.п.) мышления, мышления "конкретами", т.е. реальными, непосредственными впечатлениями; 3) фаза мышления на уровне воспроизведенных образов и представлений; 4) фаза понятийного, абстрактного, символического и т.п. мышления. Каждая из отмеченных стадий отличается от всех других прежде всего с качественной стороны, но всем им присущи и общие (в первую очередь структурные), объединяющие их элементы, которые определяют все мышление именно как мышление в отличие его от множества других как объективных, так и субъективных явлений.

Чем же характерна фаза предметного мышления? "От узнавания предметов по отдельным признакам, даваемого предшествующей фазой развития, ребенок непосредственно переходит к настоящему мышлению внешними предметами и их признаками или свойствами" (351), "в первую пору своего развития ребенок мыслит только предметными индивидуальностями - данной елкой, данной собакой и т.д." (281), т.е. теми вещами и предметами, которые непосредственно присутствуют перед ним в данный момент. Но

уже эта стадия мышления имеет довольно сложную структуру, так как "одновременные и последовательные комплексы движений во внешнем мире отражаются в чувствовании группами и рядами, сосуществованием и последованием" (337) и "одновременному определенному комплексу извне всегда соответствует определенная чувственная группа, а последовательному комплексу - чувственный ряд" (338). Но развитие форм и способов мышления продолжается. Возникает возможность мыслить уже не только конкретным, единичным, непосредственно данным, но и, если можно так сказать, конкретным, единичным, но воспроизведенным, "вспомненным данным": "насколько комплексы внешних влияний постоянны, всякий внешний предмет или явление (т.е. объективное чувствование) фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании не иначе, как членом пространственной группы, или членом преемственного ряда, или тем и другим вместе. Насколько комплексы внешних влияний изменчивы, всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании как сходственный член изменчивых групп и рядов" (338). Работа мозга по анализу и синтезу, отвлечению и обобщению и т.п. идет дальше, поэтому: "хотя общие условия расчленения предметов на признаки те же, что условия расчленения обширных групп на отдельные предметы, а именно: изменчивость объективных и субъективных условий восприятия, но продукты расчленения отличаются в обоих случаях в следующем отношении: обширная группа, как сочетание крайне изменчивое, регистрируется преимущественно враздробь и только в исключительных случаях цельной группой, тогда как предмет, как группа более узкая и постоянная, регистрируется и целиком и враздробь.

Воспроизводясь в последних двух формах рядом, она составляет настоящую предметную мысль, в которой объектами являются предмет и его свойство, положение или состояние.

В этой категории мыслей отдельности объектов соответствует отдельность физиологических реакций восприятия и их следов в нервной организации; сопоставлению их друг с другом - преемственность распространенного нервного процесса при актах воспроизведения, а связующим звеньям (направлению сопоставления) частичное сходство между последовательными реакциями восприятия и их следами в памяти" (354-355). Когда же предметами мыс-

ли являются не один предмет и его признак, а два или более отдельных предмета, то и в этом случае "мысль есть не более как акт воспроизведения расчлененной чувственной группы, состоящей по меньшей мере из трех отдельных реакций восприятия. Два крайним соответствуют обыкновенно объекту мысли, а промежуточной - связующее их отношение...

На этой ступени развития, длящейся очень короткое время... мысль ребенка несколько не отличается от реального впечатления, относясь к нему, как воспоминание относится к виденному и слышанному... Такая мысль в самом счастливом случае может воспроизводить действительность только рабски-фотографически, причем только чисто с внешней стороны" (356).

Но все же именно так происходит окончательный переход к следующей из отмеченных выше стадий мышления, переход от мышления воспроизведенными образами отдельных, конкретных ("воспоминаний данных") и т.п. предметов к мышлению обобщенно-образному, когда человек уже "мыслит елку как представителем кавказской породы деревьев, собакой вообще и пр. Здесь объект мысли уже удален от своего первообраза, перестал быть умственным выражением индивидуума, превратившись в символ, или знак, для группы родственных предметов" (281). На этой стадии у человека в памяти сливаются все сходные предметы в средние итоги... он мыслит дубом, березой, елью, хотя видел на своем веку эти предметы тысячу раз в разных формах. Эти средние продукты не будут уже точными воспроизведениями действительности... по смыслу они представляют единичные чувственные образы или знаки, заменяющие собой множество однородных предметов" (361). Эти средние итоги И.М. Сеченов называет символами I-й инстанция, "которыми должен думать уже ребенок, если он видел расчлененно десятки берез, собак и лошадей" (361). Отличие представлений от "чувственных конкретных", от "расчлененного чувственного облака какого-нибудь concreta", по Сеченову, заключается в том, что "последний есть результат расчленения чувственного восприятия какого-нибудь одного предмета и по своему содержанию представляет сумму признаков, непосредственно доступную чувству. Представление же есть средний итог из отдельных расчлененных восприятий - отвлечение от известной суммы однородных предметов" (364). И именно представления и мышление ими являются, можно

сказать, переходной, переломной, пограничной и т.п. ступенью к рациональному, отвлеченному, абстрактному, символическому и т.п. мышлению.

К определению роли слов, языка в этих процессах И.М. Сеченов подошел благодаря материалистическому пониманию физиологических процессов человеческой психики и прежде всего памяти, способности воспроизведения "виденного, слышанного и вообще испытанного". Уже в ранних работах он последовательно утверждал принцип субъективных отражений объективного мира, выяснял процессы возникновения и существования образов ("копий, слепков" - В.И. Ленин) явлений, предметов действительности. Наиболее существенными, на наш взгляд, моментами для понимания роли, значения слова в процессах рационального, "внечувственного" мышления являются высказывания Сеченова о том, что возникновение образов, отражений, как результатов "воспроизводящей действительности способности" человеческого мозга, может быть вызвано самыми различными причинами (прежде всего внешними, материальными, хотя, очевидно, и не только ими, так как идеальные ассоциации также возможны, и "внутренние чувства" - голод, страх, радость и т.п. - могут быть "возбудителями" того или иного образа. Правда, Сеченов об этом прямо не говорит). Выше уже упоминалось следующее выражение: "я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял" (116). В дальнейшем эта мысль развивается приблизительно следующим образом. Непосредственное отражение внешних явлений в чувствовании группами и рядами представляет собой сложные отражения. Нервный процесс при этом оставляет след в нервнопсихической организации, т.е. осуществляется фиксирование в памяти чувственной группы или ряда. По мере повторения этого процесса происходит усиление возбудимости в соответственных ему путях. Со временем возможно возбуждение при самых незначительных толчках извне, и, наконец, прежние действительные внешние влияния могут вспоминаться, "отражаться в сознании (т.е. приходит в возбуждение) при условиях возбуждения, не имеющих ничего общего с первоначальными. Все подобные случаи носят название актов воспоминания или воспроизведения впечатлений (виденного, слышанного и вообще испытанного)" (339). Затем происходит рас-

членение впечатлений, и в памяти наиболее прочно фиксируется постоянное и сходственное, что "и составляет расчленение группы - выделение из нее постоянных частей и в то же время регистрацию по сходству" (340). Вот эти-то свойства психики высших животных и человека и, прежде всего, возможность воспроизведения, воспоминания и т.п. известных субъекту явлений, предметов, действий, событий и т.д. под влиянием самых разнообразных возбудителей, порой не имеющих совершенно ничего общего с самими реальными, и являются естественными предпосылками, базой для возникновения определенных систем материальных коммуникативных средств - системы членораздельных звуков человеческой речи, систем "сигналов сигналов", слов, языка и вместе с ними научного, рационального, отвлеченного, символического и т.п., т.е. собственно и исключительно человеческого мышления, основные и наиболее существенные принципы и процессы происхождения которых в свете роли труда в "общественной" жизни различных приматов убедительно показал в свое время Ф.Энгельс.

Так происходит процесс постепенного развития мышления до высшей формы его проявления. Окончательный переход чувственно-образных форм мышления в область мышления совершенно отвлеченного, рационального и т.п. является, конечно, одним из закономерных диалектических скачков в новое качество. Но как любые качественные скачки, скачки от более низких, ранних и т.п. форм существования мышления к формам более высоким, совершенным осуществляются только за счет постепенного количественного накопления элементов предшествующих ступеней. И хотя это и подобные ему положения И.М. Сеченовым нигде не высказаны и скорее всего не могли быть высказаны, но соответствующий подход (возможно стихийный) к изучаемым явлениям ясно ощущается во многих его работах. И, вероятно, именно поэтому мы, в частности, читаем далее: "Как единичное отвлечение от множества, представление есть символ. Как совмещение свойств и отношений предмета к другим, включая и человека, представление есть умственная форма непосредственно более богатая содержанием, чем предшествующая ей ступень (расчлененный чувственный образ) - синтетическая форма, в которой совмещается все, что человек знает о предмете. В этом смысле полное представление обнимает собой всю естественную историю предмета, равно как сум-

му йоск его значений в жизни человека. Полное представление составляет поэтому в головах людей редкость" (364), а это "полное представление" есть уже по сути дела понятие, и даже не "бытовое", а "научное", если пользоваться современной терминологией. Однако надо заметить, что И.М. Сеченовым никуда так и не была проведена четкая дифференциация, во-первых, представлений и понятий, во-вторых, представлений и чувственных образов ("образов"), да и в наше время данные разграничения составляют определенную трудность, что еще раз говорит о своеобразном, промежуточном, переходном положении представлений.

Способ прохождения "символов, называемых понятиями", рассматривается И.М. Сеченовым здесь же на примере усвоения ребенком слов "дерево" и "травя", с одной стороны, и "растение", с другой, в чем несколько ранее говорилось, что "с дальнейшим расширением сферы сравнения по сходству объектами мысли являются — "растение", "животное" — группы несравненно более обширные, чем "овца" и "собака", но выражаемые по-прежнему единичным (хотя и другим) знаком. Понятно, что при таком движении мысли ребенок все больше принимает все более символический характер, удаляясь от "чувственных конкретов" (281). И хотя современный человек рождается, можно сказать, в "языковой обстановке" а еще с детства сознательно начинают учить словам, но все же для их усвоения необходимо, чтобы в самом ребенке происходила символизация впечатлений. "Вот эта-то таинственная работа превращения чувственных продуктов в менее и менее чувственные в виду символы, рядом с прирожденной способностью к речи, и дает возможность человеку сливать продукты чужого опыта с показателями собственного (это и значит усваивать представляемое), сохраняя в то же время самую характерную черту всего его психофизиологического развития" (358). При этом с виду будто бы происходит обратный процесс, переход от чувственных конкретов, копий и дубликатов к отголоскам ее, тогда как на самом деле это происходит "сначала очень близкие к реальному порядку вещей, но мало-по-малу удаляющиеся от своих источников настолько, что с виду обрывается всякая связь между знаком, или символом, и его чувственным корнем...".

Эти слова, или символы, принято называть абстрактами, или умственными представлениями от реального порядка вещей; на этом

основании всю соответствующую фазу развития называют абстрактным, или отвлеченным, также символическим мышлением. Начинаясь с очень раннего детства, фаза эта длится без всяких переломов всю остальную жизнь человека" (358). Эта же мысль повторяется далее в форме, позволяющей определить понятия прежде всего как отражения наиболее существенного и общего в предметах и явлениях: "От среднего дуба, такой же ели и березы детская мысль переходит к "дереву" как единичному образу или знаку множества сходных (неоднородных) предметов. "Дерево" даже в сознании ребенка не есть словесный знак, а уже значительно расчленившийся образ... Это — символы 2-й степени..."

На этой ступени отвлечения из чувственных первообразов (т.е. впечатлений от реального дерева) выброшены признаки наиболее непостоянные (величина, телесность, направление видения и окрашенность частей), а остаток — древообразная фигура, — сохраняющийся у большинства людей всю жизнь, сделавшись сокращенным символом или сокращенным знаком, для известного отдела внешних предметов...

...Всякий сокращенный смысл... является по содержанию более или менее дробной частью заменяемого им цельного предмета, а со стороны процесса дробной частью всей суммы реакций восприятия (точнее: следом этих дробных реакций)" (361).

Понимание собственно соотношения языка и мышления, значения, роли слов, членораздельных звуков человеческой речи в процессах абстрактного, символического мышления и т.п. в работах И.М.Сеченова постоянно развивалось и уточнялось на протяжении всей его научной деятельности.

Так, уже в "Рефлексах головного мозга" имеются довольно интересные, но в общем пока еще эпизодические высказывания по этому поводу: "Человек, как известно, обладает способностью думать образами, словами и другими ощущениями, не имеющими никакой прямой связи с тем, что в это время действует на его органы чувств. В его сознании рисуются, следовательно, образы и звуки без участия соответствующих внешних действительных образов и звуков. Но поскольку все эти образы и звуки он прежде видел и слышал в действительности, постольку и способность думать ими, без соответствующих внешних субстратов, называется воспроизводящей ощущения способностью" (99). Что же представля-

ет собой "акт воспроизведения психических образований? Со стороны сущности процесса это столь же реальный акт возбуждения центральных нервных аппаратов, как любое резкое психическое образование, вызванное действительным внешним влиянием, действующим в данный момент на органы чувств... со стороны процесса в нервных аппаратах в сущности все равно - видеть перед собой действительно человека или вспоминать о нем" (109), т.е. тем самым "в сущности все равно", думать ли конкретными, непосредственно данными в настоящее время предметами или же думать воспоминаниями о них, которые, как уже отмечалось, могут быть вызваны самыми различными причинами: явлениями, предметами, словами. Таким образом, думать, как обычно говорится, при помощи слов, это значит думать в ситуации слов, т.е. думать ощущениями, впечатлениями, образами, представлениями и т.п. адекватными образам, отражениям от непосредственно данных явлений, думать образами, ощущениями и т.п., воспроизведенными, воспроизведенными в соответствующей словесной обстановке, словесной ситуацией.

В статье "Кому и как разрабатывать психологию" по интересующему нас вопросу говорится: "Как внешнее воспроизведение представления или мысли речью представляет род звуковой фотографии, которую воспроизводится при посредстве определенных, но чисто условных знаков расчлененность представлений" (201), и человек, "раздробляя мысль на отдельные слова,... может относиться к последним как к роду особей (звуковой анализатор первой степени), имеющих по отношению к слуху то же самое значение, как камень, дерево, солнце и пр. к глазу" (203).

Однако "ум человеческий способен... обобщать клички предметов или их отношений без малейшего отношения к обобщениям самих предметов и их отношений" (203). Именно с этих позиций ведется И.М. Сеченовым критика всех старых "метафизик", идеалистических, реакционных и т.п. философий, одним из существенных признаков которых наряду с прочими является то, что "предельные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчленения уже не отдельных впечатлений, а словесных выражений их" (201). Но в отличие от таких "кличек" существуют и употребляются слова, которым "соответствуют действительные обобщения или понятия: здесь общее относится к частному всегда как часть к

целому (например, слову "животное", поскольку в основе его лежит отвлечение от целого, — "то что дышит, что чувствует, что самодвижно — есть животное" — соответствует реальный процесс отвлечения), тогда как видовая и родовая клички по своему содержанию совершенно тождественны... правда, и в этих случаях есть как будто нечто вроде отвлечения — я могу нарисовать контурами человека, птицу, рыбу, дерево, — но ведь всякий понимает, что когда я говорю: человек ходит, птица летает, рыба плавает, с объектами мыслей связываются никак не контуры предметов — отвлечения формы от целого зрительного образа, — а реальности, обозначаемые условным собирательным именем...

Понятно, что из такого отношения ума человеческого к элементам могут вытекать крайне разнообразные осложнения, если хоть на минуту упустить из виду ее оригинальность, условность" (203-204).

В работе "Элементы мысли" И.М. Сеченовым как бы подводятся итог всем предыдущим исследованиям: "С детства человек выучивается думать на три лада: 1) более или менее отрывочными и сокращенными воспроизведениями действительно пережитого, без перевода чувственных элементов на язык условных знаков; 2) теми же сокращенными воспроизведениями, с переводом их на слова и, наконец, 3) одними словами. Чем ярче в данном впечатлении чувственные элементы, тем больше шансов для воспроизведения его в первой форме. Чем символичнее, наоборот, элементы чувствования данной минуты, тем больше для них шансов облекаться в наиболее привычные символические (сокращенные) формы. Для огромного большинства людей такой привычной формой является слово. Когда же мысль человека переходит из чувственной области во внечувственную, речь, как система условных знаков, развивавшаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без нее элементы внечувственного мышления, лишенные образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придает объективность, род реальности (конечно фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления внечувственными объектами...

Можно думать поэтому, что изложенные до сих пор основы мысли как процесса претерпевают очень существенные перемены, как только в нее вводятся такие условные знаки, как слова"

(372-373). И здесь же, уже вплотную подходя к павловским "сигналом сигналов" и т.п., в связи с рассмотрением того момента в развитии ребенка, "когда начинаются в голове, помимо обучения, дробление и классификация цельных предметов и отвлеченных от них частей, признаков и отношений" и когда "является потребность новых обозначений; и в речи, развивавшейся века параллельно и приспособительно к мышлению, потребность находит готовое удовлетворение" (375), говорится о том, что в конечном итоге "для человека становится собственно безразлично мыслить ли приемами символами или с переводом их на язык условных знаков.

...Введение словесных символов в мысль представляет или прибавку новых чувственных знаков к уже существующему ряду их, или замену одних символов другими, равнозначными в физиологическом отношении. Ясно, что природа мысли от этого измениться не может.

Даже метафизическая (т.е. здесь — совершенно отвлеченная, научная, теоретическая. — Г.М.) мысль, как процесс сохраняет значение ряда чувственных знаков, параллельного передвижению возбуждения по определенным путям" (376).

Столь подробное рассмотрение некоторых положений сеченовского учения понадобилось нам в связи с тем, что, по существу, в нем содержатся начала подлинно научного подхода к проблеме соотношения языка и мышления и прежде всего ее логически закономерного и объективно необходимого развития в трудах И.П. Павлова, который сам неоднократно указывал на решающее значение работ И.М. Сеченова для своих исследований. И в этом не приходится сомневаться, так как многое из того, что первоначально так гениально, но только предугадывалось Сеченовым, позднее было практически, экспериментально доказано Павловым, то, что в работах Сеченова содержалось как бы между строк, в подтексте или скрывалось за не всегда точными формулировками, в трудах Павлова нашло свое строгое и ясное выражение. Однако прежде чем остановиться на интерпретации интересующих нас вопросов И.П. Павловым, необходимо подвести хотя бы самые общие итоги сказанному выше.

Представляется совершенно неоправданными те положения, в которых возникновение мышления вообще, мышления как такового

связывается только и исключительно с появлением слов, языка и членораздельной речи и т.п. /10/. Мышление (хотя бы как средство ориентации в окружающей среде, как способность узнавания и опознавания предметов и явлений, т.е. "чувственно-автоматическое" и т.п. мышление) присуще животному миру на довольно ранних ступенях его развития. В своем качественном развитии (совершенствовании) мышление достигает высшей формы проявления в области так называемого абстрактного, отвлеченного и т.п., осуществляемого при помощи ("в ситуации") слов мышления /11/.

Ф.Энгельс в работе "Диалектика природы" писал: "Рассунок и разум. Это гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование (родовые понятия у Дидро: четвероногие и двуногие), анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы и у человека, и у животных и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки) и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и несмотря на это — колоссальные результаты уже у греков, задолго предвосхищающие исследование" /12/. И в работе "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека": "То, что объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном сос-

Тояким ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что в пределах свойственного им круга представлений они легко научились понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство принадлежности к человеку, чувство благодарности и т.д., которые раньше им были чужды. Всякий, кому много пришлось иметь дело с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою неспособность говорить ощущают теперь как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определенном направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь. Там, однако, где имеется подходящий орган, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Органы рта у птиц отличаются, конечно, коренным образом от соответствующих органов человека. Тем не менее птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать, что он говорит. Научите попугая бранным словам, так, чтобы он получил представление о их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из дальних стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и скоро откроете, что он умеет также правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выкликивании лакомств" /13/.

Однако, несмотря на то, что каждая новая форма мышления представляет все более и более высокую, совершенную и т.п. ступень его развития, между самими этими ступенями не происходит полного разрыва, полного отделения, отграничения, изоляции их друг от друга, казалось бы, вопреки (а скорее всего именно в силу) скачкообразности процесса развития мышления, так как, во-первых, как уже говорилось, структура мысли всегда постоян-

на — это "сопоставление мыслимых объектов в каком-либо отношении" (И.М.Сеченов); "основные черты метода одинаковы и у человека и у животного..." (Ф.Энгельс), — во-вторых, замечательной особенностью человеческой психики является то, что с возникновением новых, более совершенных форм, видов и способов мышления предшествующие им, более низкие формы не отпадают, не отмирают, не исчезают и не уничтожаются, а, улучшаясь и совершенствуясь (чувственно-наглядное мышление человека совершеннее, чем то же мышление животных) на своем уровне, продолжают существовать с ними, входят в них. Таким образом, происходит, по существу, снятие новыми формами мышления старых. Именно в силу этой сложности, комплексности человеческого мышления оно оказывается чрезвычайно разносторонним и многогранным явлением, в котором простейшие формы не только являются базой, предпосылкой возникновения более совершенных, сложных форм, но и существенно дополняют эти формы, функционируя с ними в тесном единстве.

II.

Вопросы этой постоянной связи чувственного и рационального, различных форм и способов мышления и их отношения к языку, слову занимают видное место в учении И.П.Павлова о высшей и низшей нервной деятельности, об условных (приобретенных) и безусловных (врожденных) рефлексах, о временных и постоянных нервных связях в психике животного и человека и т.п., в развитии им взглядов И.М.Сеченова на возбуждение и торможение нервных процессов головного мозга, их иррадирование и концентрирование, в открытии первой и второй ("лишней", дополнительной, специфически человеческой) сигнальных систем в нервно-психической организации человека и нек. др.

Не затрагивая сущность психофизиологических процессов, изученных и описанных Павловым и имеющих хотя и важное, но все же специальное значение, приведем здесь несколько непосредственных выдержек из его работ, которые, как представляется, достаточно ясно раскрывают основные, наиболее общие и существенные стороны павловского учения в интересующей нас области.

Так, определенные указания на неразрывную связь, единство чувственного и рационального мышления содержатся, например, уже в разделении (конечно, очень условном) Павловым всех людей на художников и мыслителей, первые из которых "захватыва-

ют действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого разъединения. Другие — мыслители, именно дробят ее, и тем самым как бы умертвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет и затем только постепенно как бы снова собирая ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки и не удается... целостное восприятие действительности мыслителю совершенно недоступно. Вот почему величайшая редкость в человеке соединение в одном лице великого художника и великого мыслителя. В подавляющем большинстве они представлены индивидуумами" (4II) /14/. Здесь же И.П.Павловым выясняются "отделы" мозга, ведающие мышлением тех и других: "у одних, художников, деятельность больших полушарий, протекая во всей их массе, затрагивает всего меньше лобные их доли и сосредоточивается главнейшим образом в остальных отделах; у мыслителей, наоборот, — преимущественно в первых" (4II) /15/. Учитывая всю принципиальную важность проведенного разграничения, все же необходимо отметить, что оно отражает действительное положение вещей несколько схематично. Любой человек воспринимает (отражает) действительность в какой-то степени и как художник, и как мыслитель. Все определяется конкретными, индивидуальными "долями", "пропорциями" того и другого восприятия. По-видимому, их оптимальное соотношение (конечно, при условии достаточности всех других необходимых человеческих качеств, способностей и т.п.: сила воли, трудолюбие, талант и т.д.) и дает в конечном итоге гения.

Эта же связь чувственного и рационального прослаживается и в объяснениях Павловым основных причин психических заболеваний, гипноза, сна и т.п.: "Это вторая система сигнализации и ее орган, как самые последние приобретения в эволюционном процессе, должно быть особенно хрупким, поддающимся в первую голову развиту торможению, раз оно возникает в больших полушариях при самых первых ступенях гипнотического состояния. Тогда вместо обычно первенствующей в бодром состоянии работы второй сигнализационной системы выступает деятельность первой сперва и более устойчиво в виде мечтательности и фантастичности, а дальше и более остро в виде сумеречного или собственного легкого сонного состояния (отвечающего просончному или состоянию засыпания), освобожденного от регулирующего влияния второй системы. Отсюда хаотический характер этой деятельности, не счи-

также больше или мало считающейся с действительностью и подчиняющейся главным образом эмоциональному влиянию подкорки" (411-412), "Чрезвычайная фантастичность и сумеречные состояния истериков, а также сновидения всех людей есть оживление первых сигналов с их образностью, конкретностью, а также и эмоцией, когда только что начинающимся гипнотическим состоянием выключается прежде всего орган сигналов, как реактивнейшая часть головного мозга, всегда преимущественно работающая в бодром состоянии и регулирующая и вместе с тем тормозящая до известной степени как первые сигналы, так и эмоциональную деятельность" (425). (См. также широко известные исследования в этой области З.Фрейда).

Развивая рефлекторную теорию И.М.Сеченова, Павлов производит деление всех рефлексов на:

1) Безусловные (врожденные) рефлексы, находящиеся в "ведомстве" спинного и стволовой части головного мозга (простейшие), а также подкорки (сложнейшие) — низшая нервная деятельность: "У высших животных, до человека включительно, первая инстанция для соотношения организма с окружающей средой, есть ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексами (наша терминология), инстинктами, влечениями, аффектами, эмоциями (обычная терминология). Вызываются эти рефлексы относительно немногими безусловными, т.е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентация в окружающей среде и вместе с тем слабое приспособление" (411).

2) Условные (приобретенные) рефлексы, относящиеся к деятельности коры больших полушарий и той же подкорки головного мозга — высшая нервная деятельность: "Биологический смысл условных рефлексов тот, что немногочисленные внешние возбудители безусловных рефлексов при определенном условии (совпадении по времени) временно связываются с бесчисленными явлениями окружающей среды как сигналами этих возбудителей" (396). Условный рефлекс — это "временная нервная связь бесчисленных агентов окружающей животной среды, воспринимаемых рецепторами данного животного, с определенными деятельностями организма. Это явление психологи называют ассоциацией" (416).

Физиологическое значение, смысл этих временных связей тако-
вы: главные сложнейшие соотношения организма высшего животного
с внешней средой для сохранения индивидуума и вида прежде все-
го обуславливаются деятельностью ближайшей к полушариям подкор-
ки. Эти деятельности называют обыкновенно инстинктами, влече-
ниями, эмоциями, но их следует обозначить физиологическим терми-
ном "сложнейших безусловных рефлексов": "Они существуют со
дня рождения и непременно вызываются определенными, но в очень
ограниченном числе, раздражениями, достаточными только в ран-
нем детстве, при родительском уходе... Основная физиологичес-
кая функция больших полушарий, во все время дальнейшего инди-
видуального существования, и состоит в постоянном присоедине-
нии бесчисленных сигнальных условных раздражителей к ограничен-
ному числу первоначальных, прирожденных раздражителей, иначе
говоря, в постоянном дополнении безусловных рефлексов условны-
ми" (416). "Основное условие для образования условного рефлекс-
са есть совпадение во времени один или несколько раз индиффе-
рентных раздражителей с безусловными рефлексами. На том же
принципе совпадения во времени для животного синтезируются в
единицы группы всевозможных агентов, элементов природы, как
одновременных так и последовательных" (416-417).

Однако если структура деятельности центральной нервной сис-
темы высших животных может быть рассмотрена как бинарная -
это безусловно-рефлекторная, низшая и условно-рефлекторная,
высшая нервная деятельность, - то в деятельности центральной
нервной системы человека, а именно, в сфере его высшей нерв-
ной деятельности, имеется еще и специальная, спе-
цифически человеческая "прибавка". В чем
ее сущность?

Высшая нервная деятельность животных - это "деятельность
больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспе-
чивающая нормальные сложные отношения целого организма к вне-
шнему миру" (417). Эта деятельность противопоставляется дея-
тельности "дальнейших отделов головного и спинного мозга, за-
ведующих главным образом соотношением и интеграцией час-
тей организма между собой", т.е. "низшей нервной деятельности"
(417). Благодаря наличию высшей нервной деятельности "больши-
ми полушариями собаки постоянно производится в разнообразных

степенях как анализирование, так и синтезирование падающих на них раздражителей, что можно и должно назвать элементарным конкретным мышлением. Это мышление таким образом обуславливает совершенное приспособление, более тонкое уравнивание организмом окружающей среды" (417). Но если основным органом высшей нервной деятельности животных являются "большие полушария, но без лобных долей", в которых (полушариях) "возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленной массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления", что составляет "единственную сигнальную систему в животном организме и первую в человеке", то "в человеке прибавляется, можно думать, специально в его лобных долях, которых нет у животных в таком размере, другая система сигнализации, сигнализация первой системы - речь, ее базисом или базальным компонентом - кинестезическими раздражениями речевых органов. Этим восдится новый принцип деятельности - принцип, обуславливающий безграничную ориентировку в окружающем мире и создающий высшее приспособление человека - науку, как в виде общечеловеческого эмпиризма, так и в ее специализированной форме. Это вторая система сигнализации и ее орган..." (411-412). И несколько далее, углубляя и развивая свою мысль, И.П.Павлов пишет о том, что при физиологическом понимании истерии, ее симптомологии "пришлось сделать догадку относительно той прибавки, которую нужно принять, чтобы в общем виде представить себе и человеческую высшую нервную деятельность. Эта прибавка касается речевой функции, внесшей новый принцип в деятельность больших полушарий. Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы. Они представляют собой отвлечения от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец, и науку - орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и себе самом" (424-425).

Ф.Энгельс писал: "Наша обезьяноподобные предки... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного человека. Короче говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвивая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным доказывает сравнение с животными" /16/. "Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству" /17/.

К.Маркс и Ф. Энгельс неоднократно определяли человеческое сознание прежде всего как осознание человеком, человеческим мозгом окружающего мира и самого себя, своего я, своего мышления, самого сознания и т.п.: "сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием" /18/; сознание есть всего лишь "осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего осознавать себя индивидуума" /19/; "сознание необходимости вступать в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе" /20/ и вообще - "позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя - человек" /21/. В.И.Ленин вслед за энгельсовским "высшим продуктом ор-

ганической материи, человеческим духом" /22/ говорил о "психическом, сознании и т.д." как о "высшем продукте материи (т.е. физического)", как о "функции того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека" /23/.

х х х

Итак, в процессе превращения обезьяны в человека (основное условие - жизненно важная необходимость совместной трудовой деятельности) предметное, ситуативное, конкретное, чувственное и т.п. в своей основе мышление человекообразных обезьян постепенно, очень сложно (диалектически сложно) развивается в собственно человеческое (*homo sapiens*), рациональное, логическое, научное, символическое, абстрактное, отвлеченное, надситуативное и т.п. мышление и, качественно совершенствуясь, продолжает существовать с ним в тесном единстве. Одним из решающих условий этого развития (после труда "и вместе с ним") является возникновение слов, членораздельной речи, которые дают возможность обходиться без необходимых для существования процессов предшествующих форм чувственно-наглядного мышления условий реальной, "наглядной" ситуации.

Первопричиной возникновения собственно человеческого мышления является общественный труд, совместная трудовая деятельность. Следовательно, это мышление оказывается произведенным при помощи орудий особого рода ("психологических орудий" - Л.С. Выготский) - слов, звуков человеческой речи и т.п. - продуктом общественной трудовой деятельности. И как всякий продукт труда это абстрактное, теоретическое мышление, можно сказать, отчуждается в словах (речи) от своего "производителя", от дочеловеческого мышления, превращаясь из конкретно-индивидуального мышления животных в абстрактное, надситуативное, индивидуально-общественное, социально обусловленное мышление людей /24/. Средство, орудие такого отчуждения - членораздельная речь, язык, слово. Именно благодаря человеческому слову Я отделяется (отчуждается) от Я и осознается как Я в ряду других (чуждых) Я (не-я). Именно благодаря слову мозг обезьяны, превращаясь в человеческий мозг, получает возможность осознать свое мышление, так как, несмотря на то, что определенными формами мышления обладают и животные, и младенцы, ни те ни другие не осознают ни себя, ни окружающий мир, ни собственное мышление, т.е. лише-

ны сознания в том смысле этого слова, о котором говорилось выше. Способность осознавать, сознанием обладает только человек и только на достаточно высоких ступенях своего развития. Другими словами можно сказать, что появление в результате известных причин человеческого языка позволяет неосознанному, бессознательному мышлению животных осознать и себя и весь окружающий мир и существующие в нем отношения в человеческом мышлении.

Каждое поколение людей попадает в ситуацию результатов исторического опыта человечества, представленных, с одной стороны, материальными ценностями, с другой, — материализованной в виде слов, речи, текстов и т.п. общественной мыслью, накопленными знаниями. Отчужденные в текстах идеи, созданная в словах искусственная (вторая) ситуация (ситуация ситуации) могут (особенно на ранних стадиях развития в онто- и филогенезе) породить иллюзорное восприятие человеческого слова как особого самостоятельного и самодостаточного "нечто", "роля реальности (конечно) фиктивной" (И.М.Сеченов) и привести в конечном итоге к переоценке роли слова, к его фетишизации, обожествлению, к зависимости от него и подчинению ему человека. Это проявляется не только в обыденной жизни, бытовой обстановке (что нормально), но только в искусстве (и в других различных родах способах эмоционально-словесного воздействия и регуляции, когда словом действительно "можно уюти и можно спасти"), но и в определенной части научных исследований (что совершенно недопустимо). В последнем случае изучение реальных явлений, их существенных свойств, связей и отношений подменяется выяснением и описанием свойств, связей и отношений языковых (прежде всего — номинативных) единиц, фигурирующих для обозначения соответствующей области действительности. И.М.Сеченов писал: "...Большинство людей и в быту и в науке думают словами, а не образами... многие вещи знают только по слуху, т.е. "полузнают"" (95). Сознание отклоняется прежде всего к определенным направлениям теоретического ("метафизического", отвлеченного) мышления, к тому или иному роду разновидностям и научно-идеализма (агностицизму, номинативному, прагматизму, позитивизму и т.п.). Анализу философских воззрений метафизики И.М.Сеченов, как уже отмечалось, уделял в том, что "ее предельные объекты... или сущности, суть продукты расчленения уже не реальных впечатлений, а фиктивных и словесных их" (96). И здесь человек часто грим-

стерегает весьма коварная опасность.

О слове Б о ж и е м сказано: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" и "Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам". О материальном мире, о нашей реальной земной жизни говорится: "Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать".

"...Отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу".

Примечания

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3.С.29.
2. Методические указания к факультативному курсу "Русское слово как предмет языкознания".—М., 1972.С.6.
3. Общее языкознание.—М., 1970.С.373.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3.С.443.
5. Леотьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность.—М., 1968. С.10-13.
6. Панфилов В.В. Взаимоотношения языка и мышления.—М., 1971. С.26.
7. Каганов В. И.М.Сеченов // И.М.Сеченов. Избранные произведения.—М., 1959. С.11.
8. Цифра в круглых скобках после цитат указывает страницы в кн.: Сеченов И.М. Избранные произведения.—М., 1958.
9. Будилова Е.А. И.М.Сеченов и И.П.Павлов в борьбе за материализм.—М., 1954.С.44.
10. Критический разбор подобных воззрений см.: Общее языкознание.—М., 1970.С.30-40. См. также: Салиев А. Мышление как система.—Фрунзе, 1974; Тихомиров О.К. Психология мышления.—М., 1984; Системный анализ процесса мышления.—М., 1989.
11. Заметим также, что термины "абстрактное", "отвлеченное" и т.п., обычно употребляемые для обозначения этой ступени развития мышления, не представляются нам вполне удачными, так как абстракция и обобщение, свойственны даже наиболее примитивным формам мышления, и даже самое отвлеченное, абстрактное и т.п. мышление имеет чувственное начало. Представляется, что более оправданным будет противопоставление рационального, логического, научного мышления, мышления рассуждения (размышления), т.е. разума, свойственного только человеку, с одной стороны, и чувственно-образного, наглядного, конкретно-ситуативного и т.п. мышления (думанья), т.е. рассудка, с другой.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20.С.537-538.
13. Там же. С. 489.
14. Цифра в скобках после цитат указывает страницы в кн.: Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных.—М., 1978.
15. Современной наукой проведены обширные экспериментальные исследования по выяснению специализации отдельных участков головного мозга, его асимметрии и т.п. См., например, работы Т.В. Ахутиной (Рябовой), Н.П. Бехтеревой, В.Л. Бианки, В.Л. Демкина, В.В. Иванова, А.Р. Лурия, Т.В. Черниговской и др.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20.С. 489.
 17. Там же. С. 490. См. также: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта.- М., 1983.
 18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 25.
 19. Там же. С.29.
 20. Там же. С. 30.
 21. Там же. Т.20.С.357.
 22. Там же. С. 347.
 23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18.С.239.
 24. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.- М., 1975.С.7.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Этюд первый. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ.	3
Этюд второй. ОБ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА	13
Этюд третий. ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА.	27
Этюд четвертый. О МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИКИ	41
Этюд пятый. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И.М. Сеченова и И.П. Павлова)	56

Гейнадий Ананьевич Мартинович

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Монография

Редактор Т.Ю.Хмельник

Подписано к печати 13.07.92. Формат 60x84 1/16. Объем 5,25 уч.-изд. л., 5,25 усл.-печ. л. Тираж 200 экз. Бумага писчая. Печать офсетная. Заказ № 496

Издательство "Образование". 191186, С.-Петербург, наб.р.Мойки, 48.
